

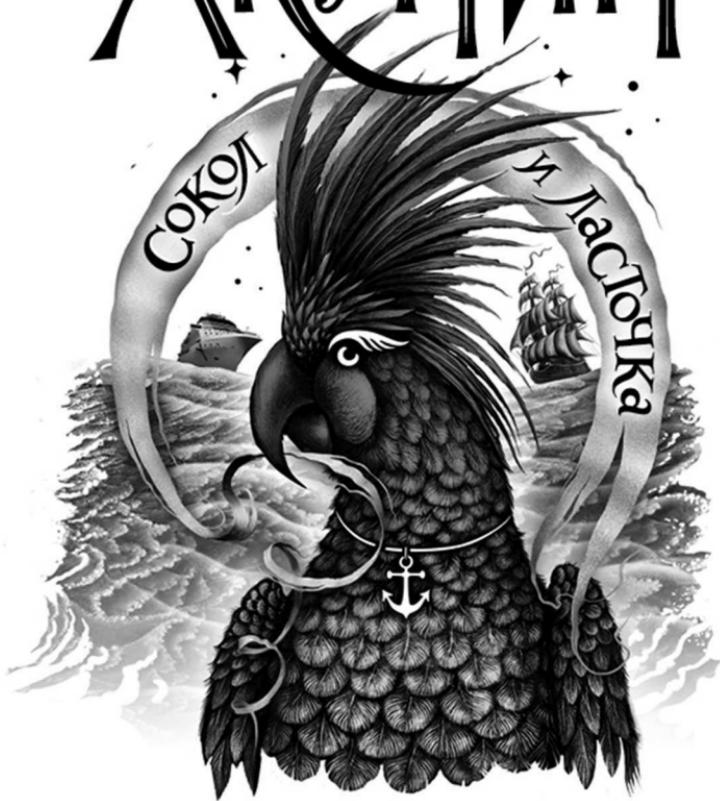
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАГИСТРА

**РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРЫ»**

**ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
БОРИСА АКУНИНА
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАГИСТРА»**

**АЛТЫН-ТОЛОБАС
ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ
Ф.М.
СОКОЛ И ЛАСТОЧКА**

Борис АкуниН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Любое использование материала
данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — Ольга Закис

Акунин, Борис
A44 Сокол и Ласточка: [роман] / Борис Акунин. — Мон-
треаль : Издательство ACT, 2022. — 608 с.: ил. — (При-
ключения магистра. Николас Фандорин).

ISBN 978-5-17-148094-3

Английская тётушка Синтия преподносит Николаю Фан-
дорину щедрый подарок — рукопись из замка Теофельс.
В письме, написанным загадочным Эпином, зашифрован путь
к тайнику с кладом. Фандорину предстоит расшифровать та-
инственное послание...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148094-3

© B. Akunin, 2022
© ООО «Издательство ACT», 2022

КРУИЗНЫЙ ЛАЙНЕР «СОКОЛ»

Весна 2009 г.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИТАЕТ ПИСЬМО

«С.-М. 25 февраля 1702 года

Моя истинно любимая Беттина,

В соответствии с Уроками эпистолярного Этикета, преподанными незабвенной Мисс Хеджвуд, Письмо Персоны, находящейся в длительном Путешествии, должно начинаться с Благопожелания Адресату, затем коротко коснуться Сфер небесных, сиречь Погоды, оттуда перейти к Области земной, сиречь описанию Места Пребывания, и лишь после этого плавно и размежено, подобно Течению Равнинной Реки, следовать по Руслу приключившихся Событий, перемежая оные глубокомысленными, но не утомительными Рассуждениями и высоконравственными Сентенциями.

Что же, попробую.

Будь здорова, крепка Духом и не унывай, насколько это возможно в твоём Положении. Пусть дорогие мне Стены служат не только Убежищем твоему бедному Телу, но и Опорой твоей кроткой Душе. Таково мое тебе Благопожелание, и больше, памятуя о своём Обещании, не коснусь сего грустного Предмета ни единым Словом.

О небесных Сферах лучше умолчу, чтобы не сбиться на Выражения, недопустимые в благонравном Письме.

Во всѣ Время моего Путешествия Погода была гнусной, а Небо сочилось Дождём, мокрым Снегом и прочей Дрянью, напоминая вечно хлюпающий Нос Господина Обер-коммерцсоветника. Ах, прости! Сравнение само соскочило с Кончика моего Пера.

Не ласкала моего Взора и Область земная. Нынешняя Война мечет свои Громы и Молнии вдали от моего Машифута, но Дороги за германскими Пределами отвратительны, постоянные Дворы нечисты, а Извозчики вороваты, однако я не стану тратить Время на Сетования по столь малозначительному Поводу, ибо здесь, в Городе, куда так рвалась нетерпеливая Душа моя, довелось мне столкнуться с Нечистотой и Вороватостью куда горшего Толка.

Честно признаюсь тебе, милая моя Беттина, что пребываю в Страхе, Тревоге и Малодушии. Препятствия, возникшие на моём Пути, оказались труднее, чем представлялось издалека. Но, как говорил когда-то мой дорогой Отец, ободряя меня перед Скачкой через Барьеры, Страх для того и существует, чтоб его побеждать, а Препятствия ниссылаются нам Господом, дабы мы их преодолевали.

Это, как Ты несомненно поняла, была высоконравственная Сентенция, от которой я сразу перейду к глубокомысленному Рассуждению.

Чему быть, того не миновать, а бегать от своей Судьбы в равной Степени недостойно и глупо. Всё равно не убежишь, лишь потерянье Самоуважение и Честь.

Моя Судьба, похоже, уготовила мне Дорогу гораздо более трудную и долгую, чем мнилось нам с Тобою. Город С.-М., самое имя которого сделалось мне до того неприятно, что я предпочитаю обозначать его лишь первыми Буквами, очевидно, превратился из конечно-

го Пункта моей Поездки в отправную Точку Путешествия гораздо более дальнего и опасного. Боюсь, у меня нет иного Выхода.

Арматор Лефевр, в переписке казавшийся столь любезным и покладистым Джентльменом, искренне заинтересованным в Успехе моего Предприятия, при Встрече оказался Выжигой наихудшего Софта.

Назначенная им Цена многократно выше той, о коеи мы сговорились, но это ещё Полбеды. Гораздо тягостнее дополнительные Условия, от которых я не могу отказаться, а ещё более того томят меня недоброделание Предчувствие и тягостное Недоверие, которое вызывает у меня этот Человек.

Но чему быть, того не миновать. Лишние Расходы меня не остановят, ибо Сокровище, за которым я отправляюсь, с избытком окупит любые Траты, ибо воистину на свете нет Приза дороже этого. Что ж до Опасностей, то страшиться их простиительно, а готовиться к ним даже необходимо, но Стыд тому, кто из Боязни отказывается от высокой Цели.

Прости, что пишу сбивчиво и не называю Вещи своими Именами, но в эти смутные Времена ни к чему доверять Бумаге лишнее, а предстоящее мне Плавание не совсем безупречно с Точки Зрения Закона.

Думаю, ты и так поняла, что я отправляюсь в Путь лично. Иначе у меня не будет Уверенности, что Дело исполнится должным Образом.

В конце концов, чтоб добраться до С.-М., мне придется потратить почти столько же Времени, не говоря о перенесённых мною Испытаниях. Когда я расскажу тебе о них, ты содрогнёшься.

Итак, страшись за меня: я попаду во Владения ужасного Мулая.

*Завидуй мне: я увижу сказочные Чудеса.
Молись за меня — я очень нуждаюсь в Молитве чистого Сердца.
Твой самый любящий и верный Друг Этин».*

Николай Александрович Фандорин перевернул ломкий лист, покрытый ровными строчками буро-коричневого цвета. То, что почерк был старинным, а чернила выцвели, беглому чтению не помешало. У магистра истории имелся большой опыт расшифровки старинных документов, часто находившихся в куда худшем состоянии.

Теплоход слегка качнуло на волне. Пришлось на секунду прикрыть глаза — сразу подкатила тошнота. Вестибулярный аппарат никак не желал привыкать к качке. Впрочем, Ника не мог читать даже в машине, на идеально ровном шоссе — немедленно начинало мутить.

На огромном океанском лайнере качка ощущалась при волнении больше четырёх баллов, а сегодня, судя по сообщению в корабельной газете «Фэлкон ньюс», ожидалось не больше трёх. Должно быть, корабль колыхнула одиночная волна-переросток.

Едва пол выровнялся, Фандорин открыл глаза и прошёл надпись на обороте. Триста лет назад конверты были не в ходу. Частные письма обыкновенно складывали, запечатывали и писали адрес на чистой стороне.

Губы Николая Александровича издали сладострастный причмокивающий звук. Кое-что начинало проясняться.

*«Благородной Госпоже Обер-коммерцсоветнице
Беттине Мёнхле, урождённой Баронессе фон Гетц в Её
собственные Руки.*

Замок Теофельс близ Швебиши-Халля».

Замком Теофельс когда-то владело семейство фон Дорнов, к которому принадлежал и Ника, посвятивший значительную часть жизни исследованию истории своего рода. Любой документ, имеющий хотя бы самое косвенное отношение к Теофельсу, представлял для Фандорина несомненный интерес.

Знакома ему была и фамилия Мёнхле. Так первонациально звали новых владельцев, к которым замок перешёл в начале восемнадцатого столетия. Потом они сменили имя на более благозвучное, но жена первого из них в самом деле была урождённая Беттина фон Гетц.

Вопрос: кто таков этот Эпин, пишущий почтенной *Frau Ober-kommerzienrat*¹ столь интригующее послание, притом с нелестной аттестацией в адрес её супруга или, во всяком случае, его хлюпающего носа? И почему вдруг по-английски, а не по-немецки?

Ника ещё раз прочитал обращение (*«My truly beloved Bettina»*) и подпись (*«Your most loving and assured Friend Épine»*). Любопытно. Очень любопытно.

Ай да тётушка. Загадала загадку!

Но разгадывать загадки было любимейшим занятием и в некотором роде даже источником заработка для Николая Александровича. Поэтому головоломки он не испугался, а решил, что попробует совместить плоды образования (как-никак шесть лет Кембриджа плюс четвертьвековой опыт) с дедуктивными способностями.

Он перечёл документ ещё несколько раз, повертел так и этак, пощупал фактуру бумаги, даже понюхал. Аромат безвозвратно ушедшего времени и непостижимой тайны кружил голову. Безвозвратно ли? Так-таки непостижимой? Случалось же ему прежде поворачивать

¹ Госпожеober-коммерцсоветнице (нем.).

время вспять и отмыкать замки, ключ от которых, казалось, навсегда утерян. Что, если и теперь удастся?

Осмысление прочитанного, а также осмотр, ощупывание, обнюхивание и облизывание (Фандорин ещё и лизнул тёмное пятно, которое осталось от давно искривившегося сургуча) позволяли со значительной степенью вероятности предполагать следующее.

По профессиональной привычке Ника начал не с текстологического исследования и контент-анализа, а с деталей второстепенных, о которых, бывает, забываешь, если сразу углубиться в содержание.

Документ долго хранился в связке или папке, крест-накрест перехваченной шнурком (виден вдавленный след). Держали его по соседству с другими бумагами, более поздней эпохи (на обороте просматриваются фиолетовые разводы — это от чернил девятнадцатого столетия). Скорее всего, письмо выужено из какого-нибудь частного архива. (Почему частного? Да потому что ни штампа, ни инвентарного номера.)

Бумага французского производства — такую во времена Людовика XIV производили на овернских мануфактурах. Письмо, очевидно, дошло до адресата. Во всяком случае, было распечатано в Теофельсе. (Это заключение можно сделать по разрезу. В первой четверти восемнадцатого века владельцы замка пользовались одним и тем же ножом для бумаги, оставлявшим характерный зигзаг.)

Теперь почерк. Каллиграфический, ровный, почти без индивидуальных особенностей. Так, вне зависимости от пола, писали отпрыски хороших семей, получившие стандартное «благородное» образование. Можно не сомневаться, что мистер или, скорее, мсье (недаром же на Е стоит акцент) Épine происходил из дворянского

рода и обучался в привилегированном учебном заведении — либо же получал образование дома, что тем более означает принадлежность к аристократии.

Лишь после этих предварительных выводов Николай Александрович разрешил себе — с бьющимся сердцем — вникнуть в суть послания.

Под аббревиатурой «С.-М.» наверняка скрывается город Сен-Мало. Это был главный французский порт эпохи. Там обитали богатейшие судовладельцы-арматоры, отважные капитаны и свирепые корсары, на-водившие страх на английских купцов.

«Ужасный Мулай» — это, конечно, марокканский султан Мулай-Исмаил, гроза Средиземноморья. Людовик XIV был единственным из европейских владык, кого этот кровожадный деспот чтил и с кем поддерживал постоянные дипломатические отношения. Нет ничего удивительного в том, что загадочный Эпин, которому зачем-то понадобилось совершить путешествие во владения Мулай-Исмаила, был вынужден обратиться к арматору из Сен-Мало. Кроме как на французском корабле попасть в Марокко в 1702 году было невозможно.

Ну, а теперь главное: ради какого «Сокровища» и «Приза», дороже которого нет на свете, вознамерился Эпин предпринять дальнее и рискованное плавание, да ещё в столь тяжёлое время? На суше и на море уж скоро год, как шла большая резня, вошедшая в историю под названием Войны за испанское наследство.

Вот, пожалуй, и всё, что можно выудить из этого листка бумаги. Тётя Синтия наверняка знает что-то ещё. Достаточно вспомнить, как значительно поглядела она на племянника поверх очков своими небесно-голубыми глазками, как воздела костлявый палец и прошепта-

ла: «Возьми и прочти. Я хотела сделать это позже, но после того, что случилось... Ты сам всё поймёшь, ты умный мальчик. А я должна прийти в себя. Выйду через 96 минут» — и величественно укатила на своей коляске в спальню.

Среди прочих чудачеств, старая дама в последнее время ещё и увлекалась нумерологией. Самыми благоприятными числами считала 8 и 12. Сон продолжительностью в восемь на двенадцать минут должен был полностью восстановить её физические и нравственные силы, подорванные инцидентом в бассейне.

Четверть часа назад, получив от тёти документ, Ника был слегка заинтригован, не более. Теперь же буквально бурлил от нетерпения. Ждать ещё час двадцать, пока тётушка соизволит выйти и ответить на вопросы? Это было невыносимо.

Но, зная Синтию, Фандорин отлично понимал: другого выхода нет. Ещё никому и никогда не удавалось заставить мисс Борсхед переменить принятое решение.

К тому же потрясение действительно было нешуточным. Старушка безусловно нуждалась в отдыхе.

ТЁТЬ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ

Николас Фэндорин (так звучало имя Николая Александровича на британский манер) очутился среди пассажиров тринадцатипалубного лайнера «Falcon»,¹ следующего маршрутом Саутгемптон — Карибы — Саутгемптон, не по своей охоте. В «люкс-апартамент» круизного теплохода Нику поместила воля двух женщин, и трудно сказать, с какой из сторон на магистра было оказано больше давления.

Первая из дам приходилась ему двоюродной тётей. Кузина покойной матери мисс Синтия Борсхед, старая дева, всю жизнь проведшая в кентском поместье, с самого рождения доставляла родственнику массу хлопот. Она безусловно любила своего «маленького Ники», но, будучи существом взбалмошным и эксцентричным, изливала свою любовь очень утомительными способами. Во-первых, она всегда знала, что он должен делать и чего не должен. Во-вторых, без конца ссорилась с ним и мирилась, причём в результате ссор «навсегда вычёркивала неблагодарного из своей жизни», а в результате примирений дарила ему дорогие, но чреватые проблемами подарки.

Два недавних примера.

На сорокапятилетие мисс Борсхед прислала племяннику в подарок золотые часы XVIII века, усыпанные

¹ «Сокол» (англ.).

мелкими бриллиантами. Сначала за них пришлось уплатить таможенную пошлину, которая произвела зияющую пробоину в семейном бюджете. Далее оказалось, что у золотой луковицы двенадцатичасовой завод и её надо подкручивать дважды в сутки, а про это не всегда вспомнишь. И вообще, довольно глупо выглядит интеллигентный человек, который выуживает из кармана этакое помпезное тюрлюрлю — будто какой-нибудь Майкл Джексон или Киркоров. А оно ведь ещё и отзанивает «Боже храни короля», обычно в самый неподходящий момент. Главная же катастрофа приключилась, когда в капризном хронометре что-то сломалось. По бестолковости Николай Александрович не удосужился спросить, во сколько обойдётся починка, до ремонта. Ну а потом было уже поздно. Чтоб расплатиться с мастером, пришлось продавать машину... Избавиться же от часов не представлялось возможным. Тётя очень хорошо помнила все свои подарки и часто интересовалась, пользуется ли ими племянник.

Ах, что часы! На последний день рождения Ника получил от тётушки подарочек того пуще. Озабоченная тем, что мальчик растеряет в России последние остатки аристократических манер, Синтия преподнесла бедному Фандорину $\frac{1}{7}$, чистокровного жеребца. Одна седьмая означала, что конём он владел на паях ещё с шестью собственниками и мог кататься один раз в неделю. Вороного Стюарта Пятого тётя разыскала на сайте шикарного подмосковного клуба, пленилась звучным именем и фотографиями, заплатила какие-то сумасшедшие деньги — и Николай Александрович оказался совладельцем злобного кусачего монстра, к которому и подойти было боязно.

Дальше так: плата за членство в клубе (пришлось брать заём в банке); ежемесячные собрания с остальны-

ми шестью компаньонами (ну и рожи! ну и разговоры!); по понедельникам поездки за город, через многочасовые пробки, чтобы покормить Стюарта Пятого сахарной морковкой и сделать очередную фотографию для тётушки.

Карибский круиз тоже был подарком — к 910-летию рода Фандориных. (Сам же Ника когда-то и раскопал, что первый фон Дорн получил рыцарские шпоры в 1099 году.) На девяностолетие тётя, помнится, прислала спектрейлером конную статую Тео Крестоносца для установки на дачном участке — но кошмарную эпопею с памятником предка лучше не вспоминать. Сколько ушло денег, времени и нервов на то, чтобы избавиться от каменного чудища!

Теперь, стало быть, новая причуда — океанское плавание.

Три года назад мисс Борсхед перенесла инсульт, усадивший её в инвалидное кресло, однако не перешла к пассивному образу жизни, а наоборот, всемерно активизировала *lifestyle*.¹ Пока ходила на своих двоих, очень неохотно покидала пределы Борсхед-хауса и не читала ничего кроме «Дейли телеграф». Теперь же освоила Интернет, существенно расширила круг интересов и пристрастилась к путешествиям. По убеждению Николаса, причиной были упрямство и неисправимая поперечность характера. Ничто не смело ограничивать свободы Синтии Борсхед, даже параплегия нижних конечностей.

На приглашение составить тёте компанию в морском круизе Николай Александрович ответил вежливым, но решительным отказом. Слишком хорошо он себе представлял, во что это выльется.

¹ Образ жизни (*англ.*).

Три недели он будет внимать поучениям, как исправить свою нездавшуюся жизнь. Тётя считала «маленького Ники» неудачником и, возможно, была права, но давать советы другим он тоже умел. Это, собственно, составляло его профессию. Знал он и тётины представления о «правильной жизни». Штука в том, что не все люди на свете правильные, а если человек неправильный, то и жить ему следует тоже неправильно.

Три недели будет выслушивать шпильки в адрес жены. Алтын и Синтия друг друга на дух не выносили, и тётушка всё ждала, когда же у племянника наконец раскроются глаза. После истории с принцессой Дианой мисс Борсхед стала чуть терпимей относиться к разводам, допуская их целесообразность в некоторых исключительных случаях. (Нечего и говорить, что брак Николаса относился именно к этой категории.)

А ещё магистр подозревал, что главной причиной, по которой тётя так настойчиво звала его в круиз, был титул баронета, который Фандорин унаследовал от отца. Синтия Борсхед родилась в семье чаеторговца, разбогатевшего в послевоенные годы, и, как это часто бывает с детьми нуворишей, придавала очень большое значение аристократическим глупостям. Она держалась гранд-дамой. Носила только антикварные драгоценности и любила обронить в разговоре имя какого-нибудь титулованного знакомого. Стало быть, в течение трёх недель она будет знакомить Нику со скучными стариками и старухами, говоря со значением: «Сэр Николас, второй баронет Фэндорин, мой племянник». С той же целью — чтобы выглядеть побарственней — некоторые заводят породистого пса: борзую или левретку. «Неужто я, дожив до седых волос, ни на что лучшее не годен?» — пожаловался Ника жене. (Белые волоски он у

себя обнаружил недавно, расстроился, словно получил повестку с того света, и теперь всё время поминал свои седины.)

Отвязаться от тёти Синтии было очень непросто, но в конце концов Николай Александрович, наверное, отился бы — если б собственная супруга не нанесла магистру удар в спину. Алтын отнеслась к его жалобам без сочувствия, а сразу и безапелляционно заявила: «Поешь, как миленький».

Хотя удивляться было нечему. Супруга у Ники была дама прагматичная, целиком сосредоточенная на интересах своей семьи. А дела у Фандориных в последнее время шли неважно.

Консультационная фирма «Страна Советов» и до кризиса перебивалась с хлеба на квас. Природа обделила Николая Александровича деловой хваткой. Мало быть хорошим профессионалом, надо ещё уметь свои способности продавать — а это тоже требует професионализма, но иного рода. Агента или менеджера, который рекламировал бы достоинства гениального консультанта, отсеивал невыгодные заказы и выжимал максимум из выгодных, у Фандорина не было. Сам же он предпочитал браться за дела интересные, от неинтересных увиливал. При этом заработка обычно сулили дела скучные, а дела увлекательные частенько оборачивались прямым ущербом.

Взять хоть минувший год.

Самый неинтересный заказ: найти рекламный ход для продвижения на рынок нетрадиционного для России спиртного продукта. Напиток назывался кальвадос и никак не желал продаваться в массовых количествах, ибо название его трудно выговаривалось, а вкус ассо-

цировался у населения с яблочным самогоном. Однако заказчик, мини-олигарх с разнообразными финансовыми интересами, очень любил благородный нормандский напиток, верил в его российское будущее и уже купил во Франции компанию по его производству. Как быть?

Консультант изучил весь портфель инвестиционной активности клиента и быстро нашёл эффективное решение, не требующее дополнительных затрат. Среди прочих проектов, энтузиаст яблочного бренда вложился в съёмку телесериала про брутального, хладнокровного опера по прозвищу Ментол. Рабочее название проекта было «Вам с Ментолом?». Николай Александрович предложил поменять герою кличку на Кальвадос. Прошёлся по сценарию, кое-что подправил. Мол, у милиционера такая привычка: он изживаёт из своего словаря ненормативную лексику — заменяет её словом «кальвадос». Например, «кальвадос тебе в глотку», «ребята, нам кальвадос настал» и так далее. Возникает комический эффект, звучное словечко застревает в памяти телеаудитории. Название сериала будет «Полный Кальвадос». Заказчик от идеи пришёл в восторг. На полученный гонорар Фандорин заказал себе в офис дубовый книжный стеллаж во всю стену — давно о таком мечтал.

Самое интересное дело в минувшем году было такое: по зашифрованной грамотке XVI века найти клад, зарытый на реке Оскол во время нашествия крымского хана Девлет Гирея. Месяц захватывающей работы в архивах и умопомрачительного дедуктирования, две недели ползания по оврагам с металлоискателем — и наконец блестящий триумф: найден кувшин с парой сотен серебряных «чекушек». Общая стоимость клада по акту — пятнадцать тысяч рублей, при этом находку конфисковала местная милиция из-за неправильно оформленного

разрешения на раскопки. Таким образом, доход — ноль целых ноль десятых. Убыток — полтора месяца времени, накладные расходы плюс административный штраф. Зато сколько было счастья, когда в наушниках «Гарретта» раздался победный «цветной» сигнал!

В общем и целом годовой баланс у «Страны Советов» получился удручающий. Не лучше складывались обстоятельства и у Алтын Фархатовны Фандориной.

Профессия, которой она когда-то решила себя посвятить, в современной России окончательно вышла из моды и, что ещё печальней, стала гораздо хуже оплачиваться, особенно в условиях кризиса. В девяностые годы, когда юная задиристая девица выбирала свой жизненный путь, журналистика считалась делом важным и прибыльным. Телекомментаторы создавали и губили репутации политических лидеров, большие чиновники уходили в отставку из-за стрингерских расследований — одним словом, прессы действительно была «четвёртой властью».

Потом эпоха публичной политики закончилась, началась эра тотального канкана. Про «четвёртую власть» никто больше не поминал, прессы поделилась на две половины: официозно-пропагандистскую и ту, что, путая с проституцией, называют древнейшей из профессий.

С выживаемостью у Алтын было всё в порядке. Поначалу она неплохо приспособилась к новой реальности. Коли не стало общественно-политической журналистики, Алтын перешла в сектор «честного глянца»: возглавила автомобильный ежемесячник для женщин. Но комфортное шеф-редакторское кресло (чудесная зарплата, хорошие бонусы плюс каждый месяц новое авто на тест-драйв) в последнее время стало скрипеть и шататься, того и гляди совсем развалится. Журнал

сменил владельца. На беду, у нового хозяина любовница оказалась страстной автомобилисткой. К тому же девочке захотелось иметь собственный журнал — в её кругу это считалось «крутой». Через некоторое время стало ясно, что дни прежнего шеф-редактора сочтены. Владелец только и глядел, к чему бы придраться, чтобы выставить её за дверь. Алтын пока держалась, но иллюзий не строила. Надеялась лишь на то, что владельцу надоест расставлять капканы и он уволит её по-честному, то есть с выплатой выходного пособия. На эти деньги можно будет год-другой перебиться, пока не подыщется новая работа. Однако найти что-то приличное вряд ли удастся — журналы закрываются, штаты сокращаются. Безработных шеф-редакторов в Москве, что пингвинов в Антарктиде...

— Старушка, конечно, пассажир тяжёлый, — сказала Николасу жена, — я тебе сочувствую. Но ничего, потерпишь. В кои-то веки сделаешь что-то не для себя любимого, а для семьи. Бабуля на девятом десятке, она вышла на финишную прямую. Вопрос — кому достанется приз. Или она завещает свои миллионы какому-нибудь фонду по спасению муhi цеце, или вспомнит, что у неё есть бедный племянник, у которого двое трудных детей и без пяти минут безработная жена. Пусть старая зараза полюбит тебя последней немеркнущей любовью.

Сколько Николай Александрович ни возмущался, сколько ни стыдил супругу за низменное стервятничество, Алтын не устыдилась и напора не ослабила.

— Ничего, Евгений Онегин поехал же пасти своего дядю. А у Онегина, между прочим, детей не было!

Оборона магистра рухнула, когда тётя Синтия сделала мощный ход: сообщила, что совершил с племянником

лишь первую часть маршрута, до острова Мартиника, а там останется, чтобы пройти курс кактусотерапии; каюта же (невероятный двухэтажный «люкс» с собственной террасой) останется в полном распоряжении Ники. На оставшиеся две недели круиза к нему смогут присоединиться жена и дети, перелёт тётушка оплатит.

— Тортуга! Барбадос! Аруба! — пропела Алтын, водя пальцем по карте. — На халяву! По системе «всё включено»!

— Не обольщайся, — уныло молвил Фандорин, понимая, что проиграл. — Знаю я эти лайнеры. Там одних чаевых раздашь столько, что хватило бы на двухнедельный отпуск в Египте.

— Ты совсем не думаешь о детях, — обрушился на него последний, добивающий удар. — Когда ещё они смогут побывать в этих сказочных местах? А вот Синтия, лапочка, о них подумала.

Если уж Алтын называет тёту «лапочкой», дело совсем труба, подумал тогда Николай Александрович.

Первая встреча железных женщин произошла тридцать лет назад. Фандорин привёз юную жену в Лондон — показать свой родной город. Ради такого дела выбралась из Кента и тётушка. Встретились в отеле «Савой», на знаменитом тамошнем afternoon tea¹. Синтия вырядилась, будто вдовствующая герцогиня на Эскотские скачки: костюм в цвет розового жемчуга, несусветная шляпа и всё такое прочее. Должно быть, желала, чтоб московитка осознала весь масштаб свалившегося на неё счастья — войти в такое семейство! Алтын же в ту пору ещё числила себя стрингером и одевалась согласно имиджу. Была она в санда-

¹ Послеполуденный чай (*англ.*).

лиях и бесформенном холщовом балахоне, чёрные волосы украшены разноцветными индейскими бусинами. К этому надо прибавить огромный живот с дозревающей двойней, по случаю которой на балахоне были вкрай и вкось нашиты луна с солнцем.

Обе дамы уставились друг на дружку с одинаковым выражением снисходительного недоумения. Из самых лучших побуждений Синтия сказала (она искренне верила, что аристократический стиль поведения — сочетание чопорности с бесцеремонностью): «Что ж, милая, пока вы в положении, можете носить то, что вам удобнее. Но потом всё-таки придётся привести себя вличный вид. Имя „леди Фэндорин“, которое вы теперь носите, обязывает. Отправляйтесь в отдел дамского платья „Харродс“, пусть к вам вызовут мистера Ламбета. Скажите, что мисс Борсхед из Борсхед-хауса попросила сделать вам полный гардероб. Счёт можно прислать на мой адрес». «О’кей, — ответила Алтын на своём бойком, но совсем не аристократичном английском. — Заеду, чтоб сделать вам приятное. Но вы тогда тоже загляните, пожалуйста, на Пикадилли в магазин „Готический ужас“. Пусть вас тоже прикинут по-людски, сделают татуху на плечо и пирсинг на язык. — Да ещё ляпнула, грубиянка, поднявшись. — Пойду я в номер, а то меня что-то подблёвывает». Минут пять после ухода новообретённой родственницы тётя хранила мёртвое молчание. Потом сдержанно обронила: «Что ж. По крайней мере, она способна рожать детей».

Кстати сказать, на детей у Ники была последняя надежда. В отличие от жены, он не думал, что Ластик с Гелей так уж обрадуются перспективе Карибского плавания. Сын и дочь у Николая Александровича были нестандартные, мало похожие на других подростков.

Перемена характера и поведения произошла с близнецами в нетипично раннем возрасте, лет с десяти. Сначала брат, а вскоре за ним и сестра вдруг стали не такими, как прежде. Пропали непосредственность и весёлость, оба сделались молчаливыми и скрытными. О чём думают, непонятно, с родителями не откровенничают, а смотрят иногда так, будто это они взрослые, а папа с мамой — несмышлёные дети.

Николас забил тревогу. Но не склонная к панике Алтын сказала, что это раннее начало пубертата и что сама она в детстве тоже была сущим волчонком. Её беспокоило только одно: Ластик с Гелей стали очень мало есть. Мальчик и раньше был самым низкорослым и щуплым в классе, но девочка, всегда отличавшаяся отменным аппетитом, тоже осунулась, на треугольном лице остались одни глаза. Нормальные дети, измеряя свой рост, радуются, когда прибавился новый сантиметр, а эти расстраивались. Зачем-то без конца измеряли объём груди и талию, втягивая и без того впалые животы.

Чтоб не травмировать детскую психику, родители сами сходили на консультацию к специалисту, и тот сказал, что это не вполне типичная симптоматика лёгкого подросткового аутизма, подсознательный страх роста и взросления. Со временем пройдёт само собой, а чтоб не пострадало здоровье, нужно потихоньку подмешивать в еду питательно-витаминные добавки...

Сначала ожидания Николаса оправдались. Плыть на океанском лайнере ни сын, ни дочка не захотели, заявив, что им это неинтересно. Но когда Алтын стала перечислять названия островов, которые посетит корабль, Ластик зачарованно повторил: «Барбадос? Супер. Я еду». «И я еду», — эхом откликнулась Геля. Это всё Джонни Депп, подумал Ника. Насмотрелись про пиратов Кариб-

ского моря. Оставалось утешаться тем, что сыну и дочке всё-таки не чуждо хоть что-то детское.

И магистр смирился со своей участью. В конце концов, одну неделю можно и потерпеть. В этом даже есть своя прелест — ненадолго вырваться из привычного мира. Сменить темп, отключиться от повседневных забот, оказаться в размеренном, уютном, благопристойном мире, где все улыбаются, говорят приглушённым голосом, а максимально допустимое проявление эмоций — сухо заметить: «Что ж. По крайней мере, она способна рожать детей». За время обитания в полуумной стране своих предков бывший подданный её величества привык к повышенному расходу адреналина и, вероятно, жить в Англии постоянно уже не сумел бы. Но поскучать на британском корабле, где намеренно воссоздаётся и культивируется атмосфера былых времён, — почему бы и нет? Раз уж все окружающие так этого хотят.

Первые пять дней плавания более или менее совпали с ожиданиями Николаса. Но когда до Форт-де-Франса осталось плыть всего сутки, тётя Синтия сначала чуть не свернула себе шею, а потом преподнесла племяннику сюрприз, от которого адреналин так и забурлил в крови.

Однако лучше рассказать по порядку. Для этого удобнее всего заглянуть в блог, который Николай Александрович вёл с первого дня путешествия.

Дело это было для Фандорина новое, в Москве у него не оставалось времени вести виртуальный журнал, да и нужды особенной не возникало. Обо всём, что произошло за день и что его волновало, Ника мог поговорить вечером с женой. Однако на период недолгой разлуки он взял обязательство записывать все мало-мальски примечательные события в интернет-дневник. Это жи-

вее и естественнее, чем слать электронные письма. А реакцию корреспондентов получаешь незамедлительно, в виде комментов.

Верная секретарша Валя наскоро преподала магистру краткий курс блоговедения, открыла аккаунт и помогла выбрать ник (то есть прозвище) с аватаром (визиткой-картинкой). Фандорин решил называться «Длинным Джоном» в честь пирата из «Острова сокровищ»: даром он, что ли, заделался мореплавателем, держит курс на Вест-Индию, ну и рост у него тоже подходящий — метр девяносто девять.

Жену приучать к такой форме общения не пришлось, она давно у себя в журнале вела шеф-редакторский блог. Ник у неё был «Болид». Валя — та дневала и ночевала в Интернете. В последнее время она причёсывалась а-ля Грета Гарбо и приобрела соответствующую томность в манерах, но на стиле письма это не сказывалось. Будучи девушкой нетривиальной судьбы (и это ещё мягко сказано), Валентина получила неупорядоченное образование. Бойко тарахтела на иностранных языках, но родным владела нетвёрдо — особенно орфографией. Вот почему в своё время она с энтузиазмом подхватила моду писать «по-албански», где безграмотность возведена в принцип. Теперь эта дурацкая причуда у приличных интернет-пользователей считается дурным тоном, но Валя отказываться от «албанского» упорно не желала. Или не могла.

Итак, путевые заметки «Длинного Джона» с комментариями «Болида» и «Греты Гарбо»:

БЛОГ «ДЛИННОГО ДЖОНА»

пишет Long John (john)
2009-04-02 21:48

Отплыли вчера вечером, но писать не мог. Хоть в рекламной брошюре обещали, что морская болезнь пассажирам «Фэлкона» не страшна, меня сильно замутило, едва теплоход вышел в Ла-Манш. Погода гнусная. Сильный ветер, дождь. Волны с нашей одиннадцатой палубы кажутся маленькими, но, думаю, высотой они метра три-четыре и бьют всё время в борт. Пол накреняется, горизонт тошнотворно ходит вверх-вниз. Неугомонной С. хоть бы что. Она с помощью горничной (представьте себе, к «люкс-апартаменту» приписаны горничная и батлер!) надела вечернее платье с блёстками, жемчуга и укатила знакомиться с капитаном. Я же позорно валялся в кровати. Есть мне, мягко говоря, не хотелось, а на капитана я ещё насмотрюсь — мы сидим за капитанским столом.

Спал я, как труп. Снилось, будто я младенец и меня укачивает в люльке Серый Волчок, причём я очень боялся, что буду ухвачен за бочок.

Утром стало получше, и я смог осмотреть нашу чудесную каюту, а потом и теплоход.

Апартамент двухэтажный, с двумя санузлами. Наверху спальня с огромной кроватью, где поселился я, потому что тётя в кресле поднимать по лестнице неудобно.

Внизу гостиная с роялем, терраса и кабинет. С. отлично устроилась на диване, за ширмой. У неё есть звонок для вызова прислуги, а ещё она прихватила из дома колокольчик — для меня. Среди ночи я проснулся от отчаянного трезвона, кинулся вниз, чуть не полетел со ступенек. С. заботливо спросила, не стало ли мне лучше, а то она так из-за меня волнуется. Не стало, ответил я с истинно британской сдержанностью и поковылял обратно. В ящики стола есть беруши. Без них больше спать не лягу. Если что, пусть С. вызывает звонком прислугу.

Утешаюсь тем, что нам тут будет очень удобно. Геля поселился на диване, Ластик в кабинете — тут можно взять складную морскую койку, ему понравится. А мы с тобой, Алтын свет Фархатовна, обоснуемся по-королевски в будуаре и будем смотреть через панорамное окно на звёзды. В Карибском море погода не такая, как здесь, можно завтракать на террасе. Представляешь?

Только я почувствовал в себе достаточно сил, чтобы отправиться на обед, как наш «Сокол» вышел в Бискайский залив. Заболтало так, что по столу начали ездить стаканы. Вы знаете, барышни, как я ненавижу уколы, но тут сдался. Шатаясь, добрался до медпункта и попросил сделать инъекцию от морской болезни. Теперь не тошнит, но есть всё равно неохота и тянет в сон.

Самое обидное, что, по-моему, я единственный из двух тысяч пассажиров, кто реагирует на качку. Все вокруг ходят довольные, без конца чем-то восхищаются, выпивают-закусывают в пятнадцати бесплатных забегаловках и вообще наслаждаются жизнью. Всё-таки никакой я не британец, нет во мне морской крови. Тётушка вон разрумянилась, посвежела. Шастает на своём драндулете с электромотором то в казино, то в кино, то смотреть на танцы.

Посидел за компьютером — снова поплохело. Что если я так и провалаюсь все дни в кровати?

пишет bolid

2009-04-02 22:15

Морская болезнь происходит от слабоволия и раслабленности. Ею страдают только бездельники. Ходи в джим, бегай по палубе, и всё пройдёт.

пишет gretchen

2009-04-02 22:16

Шев, бидняжичко, каг йа зо ваз пирижывай!

пишет Long John (john)

2009-04-03 22:48

Сегодня качки нет. Чувствую себя отлично. За завтраком наелся, как питон. Обедом, файв-о-клоком и ужином тоже не пренебрёг. Готов к более полному отчёту о первых впечатлениях.

Первое, что меня поразило, это пассажиры. То есть я, конечно, понимал, что трёхнедельный круиз на «Соколе» могут себе позволить только люди очень обеспеченные, но как-то упустил из виду, что одних денег тут мало. Нужно ещё свободное время. А кто из состоятельных обитателей Соединённого Королевства может позволить себе на целых три недели оторваться от дел? Только те, кто от дел уже отошёл.

В Саутгемптоне, перед посадкой на корабль, вкатываю я тётушку в ангар, где регистрируют пассажиров, и вижу картинку из какой-то немудрящей комедии, когда, знаете, всё время врубают хохот за кадром. Целое море седых и плеших голов, кресла-каталки, трости, сгорбленные спины, а над всей этой геронтомассой висит огромный жизнерадостный биллборд с лозунгом: «Мы так молоды, а уже покоряем мир!».

Оказывается, фирма «Пенинсьюлар», которой принадлежат наш «Сокол», недавно отметила своё пятилетие и, как теперь говорят, позиционирует себя лидером нового поколения круизных компаний.

Забегая вперёд, расскажу на эту тему ещё кое-что, уже из жанра чёрной комедии.

Сегодня я блуждал по кораблю и познакомился с милой девушкой из сервисного отдела. Смугленькая, хорошенькая, родом из Бомбея (тут почти весь обслуживающий персонал из Индии, Филиппин или Индонезии). Ревнуешь, жена? Правильно! Будешь знать, как выпускать орла из клетки.

И вот эта самая Чати, то ли пленённая моей красотой и обаянием, то ли (что вероятнее) в расчёте на чаевые, завела меня в такое местечко, которое от пассажиров хранится в тайне. В трюме, рядом с холодильником, где держат съестные припасы, имеется ещё один. Для покойников. Чати шепнула мне, что за один рейс не меньше пяти, а бывает, что и десяток бабушек и дедушек отдают Богу душу. Это неудивительно, если учесть, что средний возраст пассажиров 77 лет, а один процент (то есть человек двадцать) перевалили за девяносто. Так наш «Сокол» и плывёт меж райских островов: наверху играют в бридж, фланируют по палубе и танцуют допотопные танцы, а внизу лежат в блаженной тишине за-

мороженные полуфабрикаты, дожидаясь возвращения на родину.

Кстати о танцах. Это сильное зрелище.

Старики вечером наряжаются в белые смокинги, старухи — в открытые платья и отправляются в танцзал. Я смотрю на всё это, как завороженный. Оркестр играет танго, ча-ча-ча, фокстрот. Недолго, по полторы минуты, чтобы публика не выбилась из сил. Но однажды врубили буги-вуги, и некоторые из old girls и old boys тряхнули стариной. Это было здорово, честное слово. Даже стыдно стало, с какой стати я смотрю на этих людей с насмешливой жалостью. У них было своё время, со своими обычаями и танцами. Этот теплоход — будто плавучий заповедник ушедшего столетия. Я тут гость, и у меня нет никакого права испытывать превосходство перед старыми леди и джентльменами только из-за того, что они умрут раньше (тьфу-тьфу-тьфу).

Помнишь, Алтын, как мы ездили в Китай? Первые несколько дней нам казалось, что у всех вокруг одинаковые лица, но примерно через неделю мы перестали воспринимать окружающих как китайцев, а научились видеть индивидуальные черты. То же и здесь. В первый вечер у меня было ощущение, что я всё время натыкаюсь на одних и тех же стариков и старух, в глаза лезли только морщины, обвислые подбородки, коричневые пятна в вырезах вечерних платьев. Но сегодня я перестал замечать, что лица вокруг меня старые. Вроде как всё человечество вдруг состарилось, и я даже вздрогиваю, когда вижу в зеркале свою неприлично свежую физиономию, с неестественно гладким лбом и неприятно упругой шеей.

У стариков лица гораздо интересней, чем у молодых. С возрастом отчётилее проступают черты характера, ум или глупость, доброта или злобность, удачливость или

невезучесть. Мне кажется, что по рисунку морщин я могу прочесть всю life story¹ человека, и нередко это захватывающее интересное чтение!

Вдруг у меня возникло жуткое предположение. Что если я на самом деле не плыву по океану, а помер? Допустим, разбился в самолёте и попал прямиком на тот свет. Нет, правда. Кругом одни старики. Райское, безмятежное существование. Кормят и поят бесплатно. Официанты в белом похожи на ангелов. Пушистые облака, синее море...

Эй, на земле! Отзовитесь!

пишет bolid

2009-04-03 23:25

Не глазей на чужих старух, паси-ка лучше свою.

Рассказывай ей почаше про костлявую руку голода, угрожающего твоей семье. У меня сегодня была разборка с Фифой. Представляешь, эта наглая тварь припёрлась в редакцию, заявляется прямо ко мне в кабинет и говорит: «Интерьерчик у вас тут типа „бедненько, но чистенько“, только приличных людей отпугивать. Я скажу Костику, чтобы отбашлял на ремонт, и пришлю своего дизайнера». Ничего, да? Я ей спокойно так, ты меня знаешь. «А ну кыш за дверь, кошка крашеная». Она от меня вылетела, чуть брильянты из ушей не выскочили. Побежала жаловаться, ну и хрен с ней. Контракт не обязывает меня разводить манирлихи с любовницей работодателя. Не нравлюсь — пусть увольняет. Думаю, после этого милого разговорчика я

¹ Жизненная история (англ.).

окажусь на улице, но зато с выходным пособием. Однако надолго этих денег не хватит. Так что окучивай тётичку. Будь с ней неразлучен.

пишет gretchen

2009-04-04 01:18

Сиводне падбило бапки зо мард. Буголтерие жудъ. Расходафф двесте девять тыщ ни щетая маей so called¹ зорплатэ, каторую магу падаждать. Даходафф шыш. Папутнава ветро.

пишет Long John (john)

2009-04-04 20:01

Алтыша, от тётушки я буквально ни на шаг. Распорядок дня у нас такой.

Утром я достаю из-под двери корабельную газету и, пока батлер подаёт чай, читаю тёте всё подряд. Мировым новостям и политике отведено строчек десять, всё остальное — спортивные новости, подробный пересказ вчерашних эпизодов всех основных телесериалов, программа развлечений и оповещение, как нынче одеваться к ужину: белый галстук или чёрный, смокинг или пиджак, вечернее платье или «свободный стиль» (это значит, что дамам можно являться в костюме, но разумеется, не брючном).

Потом я катаю С. пятнадцать-двадцать кругов по променадной палубе. Мы обсуждаем со всеми встреч-

¹ Так называемой (англ.).

ными погодные условия и желаем друг другу приятного дня.

Перед обедом занимаемся в кружке любителей акварели. Сегодня, например, тема занятия была «Речной туман». Представь себе: плывём вдоль гористых берегов острова Мадейра, сияет солнце, море всё переливается, красота неописуемая, а мы сидим и выписываем серый туман над Темзой.

Обед: сначала все стоят в очередь к стюарду, который капает каждому на ладонь по три капли дезинфицирующего раствора. Без этого обязательного ритуала вход в столовую запрещён. Представляю себе, как отнеслись бы к подобному правилу наши свободолюбивые соотечественники. А британцы дисциплинированно подставляют ладоши, никто и не думает протестовать. Всё-таки у нас и у них совсем разное представление о свободе и дисциплине. В прежней жизни я был бы целиком на стороне англичан. Сейчас же, безнадёжно обруслев, киплю от возмущения.

После обеда тётя спит 64 или 88 минут. Это моё свободное время. Читаю новости в Интернете. Гуляю, прошматриваю книги в библиотеке (здесь очень приличный подбор справочной литературы).

Перед файв-о-клоком С. плавает в бассейне. Это трудоёмкая и монументальная процедура. Я всё собираюсь снять на камеру, как тётя спускают в воду на специальном кране для инвалидов. Это напоминает картину «Карл XII в Полтавском сражении». Помнишь, как шведский король, приподнявшись на носилках, командует движением полковых колонн? Примерно так же С. руководит крановщиками.

После бассейна С. играет на рояле, а я делаю вид, что слушаю. Потом пора одеваться к ужину. Я с вами, татарославянами, за тринадцать лет так одичал, что не

имею в гардеробе ни бабочки, ни рубашек с воротником-стойкой, ни смокинга. Пришлось всю эту дребедень брать напрокат. С. ещё подарила мне золотые запонки с бриллиантовой монограммой в виде баронетской коронки, но я в них напоминаю не британского баронета, а цыганского барона. Только представь меня в этаком виде и ты поймёшь, на какие жертвы я иду ради семьи.

Сидя за столом, тётя, ясное дело, обращается ко мне исключительно «сэр Николас», в связи с чем во время самого первого ужина приключился маленький инцидент.

На теплоходе два «люкс-апартамента», и счастливые обитатели сих чертогов удостаиваются чести вкушать dinner¹ за капитанским столом. Компанию нам с тётушкой составляют мистер Делони (так зовут пассажира второго «апартамента»), капитан Флинч и, поочерёдно, кто-нибудь из старших офицеров. В первый вечер, когда я смог выползти к ужину, это был помощник по безопасности Тидбит, типичнейший продукт своей профессии. После 11 сентября для этой публики настали золотые времена. Какие щедрые бюджеты, какие широкие полномочия!

А сколько новых замечательных должностей — например, бдить за безопасностью на круизном теплоходе для миллионеров. Во всех странах сотрудники спецслужб выглядят и ведут себя примерно одинаково. Когда С. в очередной раз меня «обсэрила» («сэр Николас, передайте солонку» или ещё что-то), мистер Тидбит вдруг с невинным видом заметил: «Вот интересно, сохраняется ли титул у бывшего британскоподданного, если он поменял паспорт на иностранный? Не правильней ли именовать вашего племянника „мистер“ или gospodin Фандорин?» При этом о моём российском гражданстве речь

¹ Ужин (англ.).

ни разу не заходила. То есть корабельный спецслужбист решил щеголнуть осведомлённостью: мол, такая уж у меня работа — знать всю подноготную о каждом.

Тётя молча взорвалась на плебея, подержала красноречивую паузу и говорит: «Вам, как государственному служащему, существующему на деньги налогоплательщиков, полагается хорошо знать законы. Человек может являться одновременно гражданином Великобритании и России. Кроме того, сэр, да будет вам известно, что лишить титула может лишь одна персона. — Тут она выразительно покосилась на портрет её величества, что висит над капитанским столом. — И это никак не вы, мой дорогой сэр».

Насчёт работы не жалей и из-за денег не переживай. Мы живы, здоровы, а значит, что-нибудь придумаем.

пишет bolid

2009-04-04 21:15

Ага, особенно ты придумаешь. Вся наша надежда на милую тётушку. Скоро прибуду тебе на подмогу. Клянусь, буду вести себя как ангел. Буду выглядеть настоящей «леди Фэндорин». Тётушка прослезится, когда меня увидит. Держись, Мальчиш. Красная армия на подходе!

пишет Long John (john)

2009-04-04 21:50

Слава Богу, вы с ней не увидитесь. С. заказала вам билеты до Барбадоса, а сама сойдёт в предыдущем порту, на Мартинике. Мудрое решение.

Притворяться ты не умеешь, она тоже. Называет она тебя не иначе как «та женщина».

пишет bolid

2009-04-04 21:15

Старая стерва! Неужели она меня до такой степени ненавидит? Если бы я знала, что эта зараза сходит на Мартинике, не потратила бы столько деньжищ на уродские платья с блёстками и чёрные туфли фасона «похороны Сталина»!

пишет gretchen

2009-04-04 22:05

Шев, довайте йа прееду намортинико. Обояю ста-
рушко иле предушу патихаму. Саме знайте. Каг клас-
на йа умейу деладь ито идругойе.

пишет Long John (|john)

2009-04-05 14:11

Спокойно, барышни. Всё под контролем. Мы с тё-
тенькой живём душа в душу. Очевидно, от дедушки
Эраста Петровича мне всё-таки досталась по наслед-
ству малая толика везучести. Я уже писал, что по ве-
черам С. таскает меня в казино. Она очень азартна и
очень суеверна во всём, что касается games of chance¹.

¹ Азартные игры (англ.).

В первый вечер спросила меня, на что поставить в ruletку. Я, не думая, ткнул в какой-то квадрат. Она поставила фишек на сто фунтов и выиграла. После этого я исполняю при ней роль талисмана. Советуется со мной она не всегда — по её выражению, «не хочет злоупотреблять фандоринской удачей». Но три раза спрашивала и, представьте, я всё время угадывал. 50 % выигрыша мои, так что кое-какие пиастры в этом пиратском рейде я уже награбил.

Сидение в казино — самая скучная часть моего корабельного дня, который, как вы уже поняли, и так не-богат на развлечения. В игорном зале народу почти нет, британские старики не любят глупого риска. Говорят, на Карибах, когда сядут американцы, в казино будет не протолкнуться, а пока возле нас с С. торчит только какой-то постного вида француз. Он думает перед каждой ставкой ещё больше, чем тётя, а ставит, в отличие от неё, по одной жёлтой фишечке. Всё время проигрывает и ужасно из-за этого страдает. Очевидно, это злокачественная форма мазохизма.

Я, похоже, совсем разбитанился. Знаете, что достаёт меня здесь больше всего? Наше светское общение во время колясочных марш-бросков по палубе. Сегодня провёл статистическое исследование. Из двадцати восьми встречных, кто вступил с нами в беседу, одиннадцать человек спросили: «How are you this morning?»¹, остальные семнадцать: «Are you enjoying the view?»². Первым С. неизменно отвечала: «How is your own self?»³; вторым:

¹ Как поживаете этим утром? (англ.)

² Чудесный вид, не правда ли? (англ.)

³ А вы сами-то как? (англ.)

«Fabulous, absolutely fabulous»¹, после чего все следовали дальше, полностью удовлетворённые беседой.

пишет gretchen
2009-04-05 14:29

Шев, кагда саастаритесь, йа тожэ будо ваз вазить ф калязкэ.

пишет bolid
2009-04-05 15:20

Ника, если ты хочешь, чтобы я отвечала на твои записи в блоге, забань своего трансформера!

пишет gretchen
2009-04-05 15:21

Сома тронсформер!!!

пишет Long John (LongJohn)
2009-04-05 22:29

Закаты над океаном — зрелище совершенно завораживающее. Сегодня безветренно, и заход солнца выглядит так, будто в зеркале решил утопиться красный апельсин.

¹ Великолепный, просто великолепный (англ.).

Это я, как истинный британец, выдержал паузу и тактично перевёл разговор на природу. Не ссорьтесь, девочки. Давайте я вам лучше расскажу про нашего соседа по столу мистера Делони. Не знаю, чем мы с тётей ему не угодили, но я часто ловлю на себе его косые взгляды. За всё время он и С. не обменялись ни единым словом, а на мои бессмысленные учтивости этот Delonay отвечает междометиями. При этом он вообще-то очень разговорчив и без конца развлекает капитана какими-нибудь историями. Корабельная публика, как я уже писал, имеет обыкновение с чрезвычайно заинтересованным видом беседовать о всякой ерунде, но мистер Делони — отрадное исключение. Слушать его никогда не скучно. Он много где был, многое видел. Род его занятий не вполне ясен. Вроде бы он торгует дорогими автомобилями, но в то же время частенько поминает какие-то офшоры, инвестиционные портфели, активы. Якобы он является председателем правления не то тридцати, не то сорока компаний. Если учесть, что родом этот джентльмен с острова Джерси, такое вполне возможно. Многие из тамошних жителей преуспевают благодаря офшорному статусу своей родины. Судя по огромной жемчужине в галстуке и бриллиантовому перстню на мизинце, у Делони денег гораздо больше, чем вкуса, но я готов простить ему и невежливость, и пристрастие к мишуре. Без его болтовни я бы на этих чёртовых ужинах засыпал и падал носом в пюре из корня сельдерея или в манговый чатни.

Истории джерсийца всегда про одно и то же: как кто-то пытался его облегорить, да не вышло. Концовка бывает двух видов: «Тут я взял сукина сына за шиворот и как следует тряхнул». Или: «Тут я легонечко так улыбнулся и говорю этому сукину сыну...»

Сегодня вечером мистер Делони развлекал нас рассказом о том, как ездил в Индию вести переговоры об открытии автомобильного салона по продаже «ягуаров». (Я пересказываю эту белиберду, чтоб ты лучше представляла, Алтыша, атмосферу трапез, на которых тебе скоро предстоит присутствовать.)

Торговался, стало быть, наш Делони с каким-то мумбайским дилером, «самым пройдохистым сукиным сыном во всём штате Махараштра». Никак не могли они договориться об условиях. И тут индиец, наслышанный о том, что у англичан модно терзаться комплексом вины перед прежними колониями, наносит удар ниже пояса. Вы, говорит, мистер Делони, хотите стереть меня в порошок. Как ваши предки-сагибы хотели пустить на распиль моего прадедушку. И рассказывает, как во время сипайского восстания его предка раджу (Делони иронически заметил, что у каждого индийца обязательно найдётся предок раджа) англичане припугнули виселицей, если он не присягнёт на верность. Прадедушка не испугался, ибо для индуза принять смерть от рук неверных — отличный способ обеспечить себе бонус при новом рождении. Тогда колонизаторы, знатоки местных верований, привязали его к дулу пушки, заряженной одним порохом. После такого выстрела от человека остаётся кучка кровавых тряпок, предавать огненному погребению нечего, а это для индуза ужасно. И раджа присягнул королеве Виктории за себя и своих подданных.

Эту жуткую историю дилер поведал мистеру Делони с печальной улыбкой и закатыванием глаз. «Но меня на такую дешёвку не возьмёшь, — сообщил нам джерсиец с весёлым смехом. — Я сам во время переговоров с немцами из „Даймлер-Бенца“ в трудный момент люблю ввернуть что-нибудь про холокост, да ещё привру про

бабушку-еврейку, погибшую в Дахау. Знаете, что я ответил своему маратхскому приятелю?» Все кроме тёти изобразили живейший интерес (С. игнорирует Делони, никогда даже не смотрит в его сторону.) Рассказчик немедленно удовлетворил наше любопытство. «Я слегка так улыбнулся и говорю этому сукину сыну: „Мы, британцы, всегда умели найти верный путь к сердцу партнёра. Именно поэтому мир говорит и делает бизнес сегодня по-английски. А не на языке маратхи“». Делони громко захохотал. Все за исключением С. улыбнулись. «Отлично сказано», — заметил наш дипломатичный капитан и зашёл разговор о пассатах, сезонных ветрах, которые определяли график трансатлантических плаваний во времена парусной навигации.

Вот так и проходят наши ужины.

пишет gretchen

2009-04-06 10:29

Наканетста нигто большэ нифстреваед ф наж диолок. Напиштые исочно пра закад иле васхот. Абажайу аписания прероды!!!

БОЛЬШОЙ БЛАГОРОДНЫЙ ЯПОНСКИЙ ПОПУГАЙ

Последний коммент Гретхен-Вали означал, что Алтын с детьми уже отправилась в долгую дорогу: сначала в Лондон, оттуда рейсом «Вирджин Атлантик» в Бриджтаун. А что ничего не написала напоследок — это паршивый характер. Обиделась, что он не стал баниТЬ развязную секретаршу, вечно суюЩую свой нос куда не просят.

Пока не истекли 96 минут, как раз можно было бы записать всё случившееся в дневник. Во-первых, это помогло бы собраться с мыслями. Во-вторых, интересно было бы узнать мнение жены. Но Алтын, стало быть, из контакта уже вышла. А от Вали проку будет мало. Дедукция не входила в число её сильных качеств.

Пожалуй, чем метаться по каюте, дожидаясь тётиного пробуждения, разумней спуститься в библиотеку. В загадочном письме есть кое-какие детали, требующие выяснения и уточнения.

В лифте Фандорин, как обычно, не поднимал глаз, а смотрел под ноги. Так же вели себя и попутчики. Встречаться с кем-либо глазами было рискованно. Согласно корабельному этикету, *еуе contact*¹ предполагал улыбку, улыбка — обмен вежливыми репликами, и всё, потянемся цепочка: теперь при каждой случайной встрече придёт-

¹ Встреча глазами (*англ.*).

ся останавливаться, здороваться и обсуждать природу-погоду, желать друг дружке чудесного афтернуна, и так далее, и так далее.

В принципе, всё это очень цивилизованно и мило, но с российской точки зрения — фальшь, пустое сотрясание воздуха. В Москве Нику ужасно раздражал недостаток вежливости, здесь — её избыток. Тут было о чём задуматься. Получалось, что британцем он быть перестал, а русским так и не сделался. Дома (ага, всё-таки «дома»!) часто думал: худшая беда *у них тут* — не дураки и не дороги, а тотальное хамство. На корабле же постоянно ловил себя на мысли: «странная *у них*, англичан, всё-таки привычка...». Например, даже британская сдержанность, которую Фандорин всегда так ценил, теперь казалась ему какой-то малахольной и противоестественной.

Взять хоть сегодняшний инцидент.

Согласно заведённому распорядку, с 16.15 Синтия плавала в открытом бассейне на солнечной палубе. Николас сел в шезлонг с книжкой («История британской Вест-Индии»), а тётю, нарядженную в плюшевый купальник с львами и единорогами, служители пересадили из каталки на подъёмник и стали осторожно перемещать над изумрудной водой. В середине, где глубже, старушку опускали, она отстёгивала ремни и десять минут величественно плавала взад-вперёд. На воде тётушка держалась отлично. Потом тем же краном её переправляли обратно.

Сначала всё шло, как обычно: Синтия отдавала команды, словно адмирал Нельсон с капитанского мостика в разгар Трафальгарского сражения; вежливые матросы делали вид, что без её распоряжений никак не справятся с таким мудрёным делом. Но когда сиденье

оказалось над мраморным бортиком, тётя как-то неловко накренилась, и ремень безопасности то ли лопнул, то ли расстегнулся.

Сам миг падения Николас проглядел — он как раз читал о рейде пирата Моргана на Маракайбо. Услышал донёсшееся с нескольких разных сторон приглушённое «ах!», тётин вскрик. Поднял глаза и обмер, увидев столб брызг и пустое раскачивающееся сиденье.

В течение полуминуты, пока выяснилось, что старушка цела, вокруг царilo напряжённое молчание. Кто-то приподнялся с шезлонга, кто-то даже вскочил, но в общем все вели себя с безукоризненной сдержанностью. Русские бы заорали, кинулись к бассейну, здесь же никто не тронулся с места. Не из безразличия, а чтобы не мешать специалистам: прислуha лучше знает, что и как нужно делать в подобном случае. Орал и размахивал руками только какой-то дядечка в не по-английски пёстрых плавках. Потом, когда стало ясно, что всё в порядке, Николасова соседка со снисходительной улыбкой сказала про крикуну: «Australian, isn't he»¹. Выговор у эмоционального джентльмена действительно был антиподный.

Зато Синтия проявила себя настоящей англичанкой. Когда перепуганные матросы выудили её из воды, она сказала лишь: «Полагаю, сегодня я плавать не буду». И бледный от потрясения Ника укатил её под одобрительные взгляды и сочувственные комментарии публики.

Однако в коридоре, вдали от посторонних глаз, тётя дала-таки волю чувствам.

— О, мой Бог, — слабым голосом сказала она. — Я чуть не погибла. Когда я падала из этой чёртовой люльки, чуть не лопнула от злости. Думала: «Как некрасиво

¹ А, он австралиец (*англ.*).

со стороны Всевышнего! Угробить меня накануне главного приключения всей моей жизни! Просто нечестно!»

— Вы всё это подумали, пока падали с двух метров? — спросил Ника — безо всякой поднечки. Он знал по опыту, что в миг опасности мысль многократно ускоряется. — Однако вы не совсем справедливы к Господу. Если вы считаете плавание по океану главным приключением вашей жизни, то оно уже близится к концу. Завтра Мартиника.

— При чём тут плавание! — фыркнула Синтия, но это интригующее замечание Николас пропустил мимо ушей. Он ещё не совсем оправился от шока.

— Как же вы меня испугали, — пробормотал он. — Я подумал...

— Что старуха свернёт себе шею и ты унаследуешь Борсхед-хаус? — подхватила тётушка. Он хотел возмутиться, но она махнула: молчи, не перебивай. — Нет, мой милый, Борсхед-хаус ты бы, конечно, унаследовал, но ты даже не представляешь, чего бы ты лишился! Какой ужас! Я могла погибнуть, не открыв тебе тайны!

Николай Александрович заморгал.

— Тайны? Какой тайны?

Мисс Борсхед вздохнула.

— Не хотела говорить, пока не прибудем на Мартинику, но после сегодняшнего происшествия просто обязана ввести тебя в курс дела. Неужели ты подумал, что я притащила тебя на этот дурацкий пароход, только чтобы ты катал меня по палубе?

— А... разве нет?

— У меня самоходное кресло, — с достоинством заметила она. — Нет, мой мальчик. Ты мне понадобился не в качестве тяговой силы. Мне нужна твоя голова. Фандоринская голова! — Она постучала его артритиче-

ским пальцем по лбу. — Дай мне девяносто шесть минут, чтобы прийти в себя. А пока изучи один документ. И поработай своими учёными мозгами.

Сказано это было уже перед самой дверью каюты. А минуту спустя Николас получил для изучения по желтевшее от времени письмо — без каких-либо комментариев. Пока он разглядывал бумагу, не торопясь её разворачивать, Синтия ретировалась в своё логово. Из кресла на диван она умела перемещаться без посторонней помощи. Руки у старушки были сильные.

* * *

Двадцать минут спустя охваченный охотничим азартом Фандорин ехал в лифте на шестую палубу, в библиотеку. Там имелся отличный подбор книг на разных языках по истории мореплавания. Возможно, удастся что-то найти по французским арматорам периода Войны за испанское наследство.

Читальный зал бывал полон только в ненастную погоду. Но с самого Бискайского залива над океаном сияло солнце, с каждым днём делалось всё теплей, и в этот тихий послеполуденный час Николас оказался в библиотеке совсем один, даже служительница куда-то отлучилась. Вместо неё на столике регистратуры сидел большущий попугай изысканной, но несколько траурной окраски: сам чёрный, с красным хохолком и жёлтой каймой вдоль крыльев. Птица водила здоровенным клювом по странице раскрытой книги — будто читала. Фандорин поневоле улыбнулся.

— Пиастрры, пиастрры, — сказал пернатому существу магистр.

Попугай покосился на шутника круглым глазом и присвистнул — мол, слыхали уже, придумал бы что-нибудь пооригинальней. Потом взял и перевернул клювом страницу. Должно быть, видел, как это делают посетители, и спопугайничал.

Библиотекарша Николасу была не нужна. Он сам нашёл нужный шкаф, разделённый по странам и эпохам. Ага, вот Франция. Вот царствование Людовика XIV. А вот и целый том, посвящённый арматорам порта Сен-Мало.

— Лефевр, Лефевр... — бормотал Фандорин, перелистывая указатель.

Их, оказывается, была целая династия, Лефевров. А вот и тот, что, очевидно, упоминается в письме.

Вслух Ника прочёл:

— «Шарль-Донасьен Лефевр (1653 — не ранее 1718)». That's my man!¹

Птица издала нервный клекочущий звук. Мельком подняв глаза, Фандорин увидел, что попугай растопырил крылья и таращится на него.

— Не любишь, когда в библиотеке громко говорят? Ну, извини.

Дальше он читал про себя, испытывая волнение, как всякий раз, когда удавалось подцепить ниточку, ведущую из сегодняшнего дня в прошлое.

Дом «Лефевр и сыновья» был основан отцом Шарля-Донасьена во время войны с Аугсбургской лигой для снаряжения корсарских кораблей. Потом успешно торговал, обслуживая Ост-Индскую компанию. Разбогател на работорговле, переключился на заготовку сушёной трески и импорт муслина из стран Средиземноморья.

¹ Он-то мне и нужен! (англ.)

Ага! В конце семнадцатого века фактически монополизировал выгодный посреднический бизнес по выкупу европейских пленников у берберских морских разбойников, подданных султана Мулей-Исмаила.

— Никаких сомнений. Именно с этим Лефевром вёл переговоры наш Эпин, — с удовлетворением сообщил Фандорин попугаю, который перелетел на соседний стол и в упор пялился на магистра.

Внезапно чёрно-красная птица, которая до сего момента вела себя вполне цивилизованно, сорвалась с места и кинулась на Николая Александровича. Когтями впилась в грудь, прорвав рубашку; клювом ударила в висок — не то чтобы очень сильно, но чувствительно, до крови. Главное же, эта агрессия была до того неожиданной, что Ника осталенел.

Руки были заняты фолиантом, поэтому сбросить с себя глупую тварь удалось не сразу.

— Кыш! Кыш! — закричал Фандорин, мотая головой.

Наконец бросил книгу и стряхнул попугая. Тот отскочил и беспокойно зацокал лапками по блестящей поверхности стола. Наклонив царственную башку, птица неотрывно смотрела на магистра истории.

На крик из подсобки выглянула библиотекарша. Увидела, что посетитель стирает платком с виска капельку крови, и ужасно переполошилась, когда Николас объяснил, в чём дело.

— Вы, наверное, чем-то его испугали? Наш Капитан Флинт никогда ни на кого не бросался. Он такой благо-воспитанный! Не пачкает, не шумит, бумагу не рвёт. Мы даже не держим его в клетке!

И рассказала, что попугай живёт у них уже месяц. Во время прошлого карibbeanского круиза, где-то между Мартиникой и Барбадосом, влетел в окно библиотеки

и прижился. Такое ощущение, что ему нравится запах книг. Кормят его попкорном и чипсами. Среди членов экипажа есть один зоолог, так он говорит, что никогда не видал таких попугаев. Птицу сфотографировали, отправили снимок в Королевский орнитологический музей. Оттуда ответили, что такие попугаи действительно нигде не встречаются. По некоторым признакам птица напоминает большого благородного японского попугая, которые считаются давно вымершими. Их изображение встречается на ширмах и веерах эпохи Хэйан, а потом исчезает. Музей попросил доставить птицу для изучения, но в корабельной библиотеке привыкли к Капитану Флинту, не хотят с ним расставаться. Он такой умный, такой тактичный. Так бережно обращается с печатными изданиями...

— Я бы взял эту книгу с собой, — прервал Николас словоохотливую даму. Ему наскучило слушать про попугая. Хотелось выяснить ещё что-нибудь об арматорском доме «Лефевр и сыновья». А там пробудится Синтия и объяснит, что означает таинственное письмо.

Что, собственно, мне известно? — подытожил он на обратном пути.

Некто по имени Эпин, находившийся в любовных, родственных или дружеских отношениях с Беттиной Мёнхле, женой владельца Теофельса, в феврале 1702 года прибыл в порт Сен-Мало. Вёл переговоры с арматором Лефевром о плавании в Барбарию. Цель рискованного предприятия — добить некое сокровище, дороже которого «нет на свете». Очень интересно, очень!

В каюте магистра ждали два сюрприза.

Во-первых, тётя не спала, а сидела в своём кресле, хотя девяносто шесть минут ещё не истекли.

— Где тебя черти носят? — сердито закричала она. В возбуждённом состоянии тётя забывала об аристократических манерах и предпочитала энергичные выражения. — Я не могла уснуть! Зову, звоню в колокольчик! Выезжаю, а его нет! Нам нужно поговорить, и как можно скорей. Открой дверь на террасу — душно. Сядь рядом! Ты прочитал письмо?

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Второй сюрприз приключился, едва лишь Николас распахнул террасную дверь, чтобы впустить в каюту свежий воздух.

Вместе с ветерком в апартамент влетел чёрно-красный попугай, с хлопаньем пронёсся над роялем, столом, тётиной головой и уселился на перила лестницы, что вела на второй этаж.

— Зачем ты впустил это животное? — закричала Синтия. — Немедленно выгони! Оно всё тут загадит! Брысь, брысь!

Но прогнать птицу оказалось непросто. Когда Фандорин взбежал по лестнице, попугай переместился в гостиную, на телевизор. Фандорин спустился — попугай преспокойно перелетел обратно на перила. Проделав маршрут вверх-вниз ещё пару раз, магистр остановился. У оппонента было явное преимущество в свободе передвижения.

Тут ёщё и тётя с типичной непоследовательностью накинулась на племянника:

— Что ты пристал к бедной птице? Чем она тебе мешает? Сидит себе и сидит. И ты сядь. Нам нужно поговорить.

Он послушно опустился в кресло и пододвинул к себе письмо Эпина, однако Синтия не позволила задавать вопросы.

— Погоди, — сказала она, подняв руку. — Я всё расскажу сама. Молчи и слушай... Я всегда чувствовала, что тебе не по душе мои подарки.

— А? — удивился Николас неожиданной смене темы.

— Не возражай, я знаю. Каждый раз перед твоим днём рождения или какой-нибудь знаменательной датой я долго думаю, что бы такое поинтереснее тебе подарить. А потом чувствую: нет, опять не то. Мальчик остался недоволен.

Магистр поразился ещё больше. Он и не подозревал в тёте такой проницательности.

— Что вы, тётушка. Ваши подарки каждый раз для меня такая неожиданность.

— Это ты говоришь из вежливости. А сам вот не носишь золотой брегет, который я купила на аукционе. Часы тебе не понравились. Да-да, я догадалась. — Синтия печально вздохнула и опять безо всякого перехода объявила: — Бумаги!

— Что?

— Больше всего на свете ты любишь старые бумаги. Всякие там пергаменты, манускрипты, инку... инкуна-булы, — не без труда выговорила она трудное слово. — Особенно если они как-то связаны с историей рода Дорнов. Поэтому я и решила подготовить подарок, который наверняка придётся тебе по вкусу. Ты знаешь, что после инсульта я освоила Интернет...

— Да, я ведь получаю от вас по несколько имейлов в день.

— Не перебивай меня, Ники! Что я хотела сказать? Ах, да. Про подарок. Некоторое время назад задаю я поиск на новые страницы со словом «Теофельс» (я делаю это периодически), и вдруг вижу: в связи со смертью последнего хозяина замка часть обстановки и старые архивы семейства

фон Теофельс будут распроданы на интернет-аукционе. И онлайновый каталог: кое-что из мебели, охотничьи трофеи, всякие там железки и много бумаг. Они разделены на лоты по хронологическому принципу: первая четверть восемнадцатого века, вторая четверть восемнадцатого века, третья — и так до второй четверти двадцатого. Все документы более позднего времени ещё до аукциона выкуплены каким-то бундесведомством. Ты ведь знаешь, что эти люди, Теофельсы, при кайзере и при Гитлере занимались военной разведкой или чем-то в этом роде.

— Конечно, знаю, но это вне сферы моих занятий. А документов совсем старинных там не было?

Синтия пожала плечами.

— Откуда? Теофельсы — род не из древних. Хоть на их генеалогическом древе корни восходят аж до Тео Крестоносца, но нам-то с тобой отлично известно, что линия это боковая,bastardная.

Тётя произнесла последнее слово с презрением, достойным не дочери чаеторговца, а обладательницы голубейшей крови.

— Их дворянская грамота куплена за деньги, ведь первый фон Теофельс на самом деле звался Мёнхле и взял звучное имя лишь после того, как завладел замком.

— И письмо, которое вы мне дали, адресовано супруге этого господина — Беттине, урождённой фон Гетц, — нетерпеливо вставил Ника. — Это я понял. Так вы выкупили архив?

— Только один лот. Зато самый старый. За первую четверть восемнадцатого века. Перед тем как обернуть в подарочную упаковку, стала просматривать бумаги. Они почти все на немецком, этим ужасным угловатым шрифтом. Я перебирала листки без особенного интереса — и вдруг натыкаюсь на английский, причём легко читаемый!

Как подобает истинной дочери Альбиона, иностранных языков тётя не знала и не очень понимала, зачем кто-то ещё упорствует в их использовании, когда так удобно и просто объясняться по-английски.

— Я всё понял. Вы прочитали письмо, и вас заинтересовало упоминание о сокровище — правда, довольно туманное.

Синтия загадочно улыбнулась.

— Всё ли ты понял, скоро станет ясно. А пока расскажи мне, знаменитый специалист по старинным документам, много ли ты уразумел из этого письма.

Но когда племянник поделился своими выводами и предположениями, снисходительности в её тоне поубавилось.

— Надо же, ты сразу догадался, что «С.-М.» — это французский город Сен-Мало. А я вообразила, будто речь идёт о швейцарском Сен-Морице. В пятьдесят девятом я каталась там на лыжах и сломала лодыжку.

— Ну что вы! Откуда в Сен-Морице арматор и как можно из Швейцарии уплыть во владения Мулай-Исмаила?

— Ну, я тогда ещё не знала, что такое «арматор» и кто таков этот Мулай. Кроме того, во втором письме упоминается Святой Маврикий (Saint Maurice) и пещера, а вокруг Сен-Морица полно горных пещер. И озеро там тоже имеется, так что упоминание о плавании меня не смутило. Но ты, конечно, прав. «С.-М.» — это Сен-Мало...

— Постойте, постойте! — перебил он. — О каком это «втором письме» вы говорите?

Тут Синтия подмигнула — это было настолько на неё непохоже, что Ника вздрогнул. Голубой глаз на миг прикрылся морщинистым веком и вновь воззрился на племянника с весёлым торжеством. Раздался дребезжащий смех. Тётя наслаждалась минутой.

— Вот об этом.

Узловатые пальцы достали из-под скатерти заранее приготовленный конверт, а из конверта листок грубой буроватой бумаги.

— Там было ещё одно письмо на английском. Точнее, фрагмент письма. Начало отсутствует. Стоило мне прочесть первую строку — и я осталбенела. — Синтия отвела руку с листком от нетерпеливых пальцев Николаса. — Сейчас, сейчас. Только, пожалуйста, читай вслух. Доставь старухе удовольствие. Я хочу слышать, как задрожит твой голос.

Голос Николая Александровича действительно задрожал. Даже сорвался. Первая строка, начинавшаяся с середины фразы, была такая: «...но главное — вот эта детская считалка. Она поможет тебе запомнить путь к тайнику».

Как же голосу было не сорваться?

Что-то зашуршало возле локтя. Фандорин оглянулся — это попугай сел на стол и смотрел, разинув клюв, словно тоже хотел послушать. Однако Нике сейчас было не до раритетных птиц.

Почерк был тот же, что в первом письме, только не такой ровный и гладкий, словно пишущий очень торопился. Ни завитушек, ни заглавных буквниц в существительных, ни изящных оборотов. Язык послания казался менее архаичным, почти современным.

Впрочем, углубиться в чтение Николас не успел. Тренькнул звонок — это батлер, согласно установленному распорядку, доставил afternoon tea.

— Давайте скажем, что нам не нужно чая! — жалобно воскликнул Фандорин. Мысль о том, что придётся прервать знакомство с интригующим документом, была невыносима. — Сейчас начнёт священнодействовать!

— Человек выполняет свою работу, — строго сказала тётя. — Надо относиться к этому с уважением. Тебе не хватает выдержки и терпения. Это не по-английски, мой мальчик. Войдите, Джагдиш!

Возглас адресовался батлеру. Улыбчивый индиец во фраке и белейших перчатках вкатил столик, на котором сверкали фарфором, хрусталём и серебром чашки, вазы, приборы, а посередине красовался кувшин с орхидеей.

— Сервируйте чай на террасе, погода сегодня просто чудесная, — велела Синтия и прикрикнула на Нику. — Не подглядывай в письмо! Имей терпение! Покорми пока птичку орешками.

Попугай, который ещё пять минут назад у неё был «животным», подлежащим немедленному изгнанию, превратился в «птичку».

— На, жри, — хмуро буркнул магистр по-русски, зачерпнув в одной из вазочек арахиса.

Но пернатое создание лишь мотнуло хохластой башкой и, словно в нетерпении, топнуло по столу.

— Кушай, деточка, кушай.

Синтия попробовала запихнуть орешек прямо в клюв попугаю, но тот взлетел и сел Фандорину на плечо. При этом ещё и изогнул шею, как бы пытаясь заглянуть в листок.

— Мне не дают читать, и ты не будешь, — сказал Николай Александрович, убирая руку с письмом.

* * *

Продолжить чтение удалось минут через пять, когда батлер разлил чай, добавив тёте молока, а племяннику ломтик лимона.

Наконец пассажиры люкса остались на террасе вдвоём (если считать попугая, по-прежнему сидевшего на плече у Ники, то втроём). Магистр поспешно отодвинул чашку, развернул листок и начал сначала:

«...но главное — вот эта детская считалка. Она поможет тебе запомнить путь к тайнику.

*Прыг-скок, прыг-скок
С каблука на носок,
Не на запад, на восток,
С оселка на бруск
Прыг-скок, прыг-скок
И башкой об потолок.*

Вкупе с вышеприведённым рисунком считалка укажет тебе, где спрятано сокровище.

Знай, моя милая Беттина, что я оставляю тебе ключ к богатству, свободе, новой жизни — всему, чего ты пожелаешь. Это мой прощальный дар. Я же удаляюсь туда, откуда, надеюсь, нет возврата. И довольно обо мне. Лучше скажу о тебе.

Ты самая добрая, щедрая и самоотверженная женщина на свете. Но самоотверженность, когда её слишком много, из добродетели превращается в грех. Любое достоинство, будучи избыточным, оборачивается своею противоположностью. Жертвовать собою ради других без остатка означает расточать собственную жизнь, а ведь она бесценный Дар от Господа!

Ах, Беттина, поверь мне! И женщина может вырваться из пут судьбы. Это даже не так трудно. Нужно лишь преодолеть страх и твёрдо знать: главный твой долг не перед кем-то или чем-то, а перед самой

собою. Растоптать собственную жизнь — худшее из преступлений в глазах Всеобщего.

Меня торопят, времени больше нет.

Не сомневаюсь, что сундуки, набитые золотом и серебром, пригодятся тебе больше, чем мне. Этого богатства довольно, чтобы обеспечить свободу сотне, а то и тысяче таких, как ты. Мне же ничего не нужно. Свобода у меня теперь есть. Такая, о которой мы мечтали когда-то детыми, помнишь?

Ты, верно, думаешь, что путь к свободе полон непреодолимых препятствий? Ошибаешься. Вот что надобно сделать: заложи свои драгоценности, чтобы хватило средств на дорогу; найми верного и толкового слугу, а лучше двух или трёх; садись в кафету и ни в коем случае не обворачивайся! Дорога сама поведёт тебя. Ты сядешь на корабль, приплывёшь в указанное место, отыщеш пещеру, а в ней тайник. Только и всего.

Святой Маврикий, покровитель тех, кто не оглядывается назад, поможет тебе.

Прощай, моя милая, и будь счастлива.

Твой самый любящий и верный друг

Эпин».

Всё вплоть до подписи *Your most loving and assured friend Épine*, было написано той же рукой, что первое письмо. Только внизу, явно другим почерком, кто-то приписал по-немецки: «*Первая страница, где карта и рисунок, сожжена в день святой великомученицы Прасковьи во избежание соблазна*». Буквы крупные и круглые, чернила более густого оттенка. В одном месте они расплылись, словно на бумагу капнула слеза.

— Кто этот Эпин? — воскликнул Фандорин и перевернул листок, но на обороте ничего не было. — В каких он был отношениях с Беттиной Мёнхле?

— Я тоже гадала, гадала, — вздохнула тётя, — но, боюсь, мы никогда этого не узнаем. Полагаю, друг детства, кузен, но вряд ли возлюбленный. В обоих письмах чувствуется искренняя приязнь, но не страсть. К тому же вряд ли в семейном архиве фон Теофельсов стали бы хранить любовную переписку замужней дамы. Я выяснила, эта Беттина между 1704 и 1720 годом произвела на свет одиннадцать детей.

— Значит, искать свободу она не отправилась... Да ещё уничтожила первую страницу. Приписка, наверное, сделана её рукой?

— Да. Там в папке есть ещё несколько писем фрау Мёнхле. Почерк тот же.

Николас ещё раз пробежал глазами последнюю строчку.

— Странный поступок: сжечь половину письма, причём именно ту, по которой можно отыскать сокровище. Зачем, почему? На одной считалке далеко не уедешь.

Синтия улыбалась — у неё было время поломать голову над этим естественным вопросом.

— Здесь удивительно не только то, что она уничтожила страницу, но и то, что сочла необходимым написать об этом.

— В самом деле! Что бы это могло значить? Постойте-ка, я сам. — Фандорин потёр лоб, попытавшись представить себе Беттину Мёнхле.

Добрая, щедрая, самоотверженная. Отказавшаяся от соблазна свободы и уронившая слезу по этому поводу. Не любившая своего коммерцсоветника, но родившая ему одиннадцать детей...

— Господин Мёнхле, судя по сохранившимся сведениям, разбогател на ссудных операциях. Легко предположить, что он был человеком алчным. Если бы нашёл в бумагах супруги письмо с ключом к сокровищу, обязательно ринулся бы на поиски. Беттина этого не хотела, потому и сожгла первую страницу, где, вероятно, подробно разъяснялось, как отыскать пещеру. Приписка предназначена мужу: мол, не ищи, всё равно не найдёшь. А вторую страницу фрау Мёнхле сохранила, ибо речь там в основном о чувствах. Должно быть, Эпин был ей очень дорог...

— Умник ты мой, — похвалила Синтия. — Я тоже пришла к этому выводу. Правда, не так быстро.

— И главный вопрос, самый увлекательный. Сокровище. Представляю, как бесился коммерциенрат — или его потомки, когда в конце концов наткнулись на этот документ. — Фандорин сокрушённо вздохнул. — Очень вероятно, что и поныне в какой-то неведомой пещере пылятся сундуки с золотом и серебром. И никто никогда не найдёт к ним дороги...

— Ты бы, может, и не стал искать. — Мисс Борсхед с осуждением покачала головой. — Ты бы отступил. Потому что в тебе, Ники, мало характера.

Выпад Николас пропустил мимо ушей, а вот интонация, с которой произнесены эти слова, его заинтересовала.

— Вы думаете, клад можно найти? Но как к этому подступиться? Тут же нет никаких зацепок!

Она торжествующе поглядела на племянника снизу вверх.

— Ты безнадёжно отстал от жизни, Ники. На свете существует Интернет.

— И что же вы сделали?

— Самую элементарную вещь. Я зарегистрировалась на всех существующих форумах кладоискателей, — с гордостью сообщила она.

— Вы?

Представить себе мисс Борсхед, чатящуюся с обитателями полоумных кладоискательских форумов, было трудно. Однако тётя истолковала удивление Николаса по-своему.

— Не под своим именем, конечно. Это было бы не-прилично. Я взяла ник. Ты знаешь, что такое «ник»? — Он нетерпеливо кивнул. — Красивый ник, из письма. «Юзер Эпин», вот как я там называюсь. — Мисс Борсхед приосанилась. — И картинку приделала: аристократический молодой человек в парике, с тростью.

Пришлось её разочаровать.

— Ничего особенно красивого и тем более аристократичного в имени Épine нет. По-французски это значит «колючка».

— Да? Ну вот видишь, и тут я ошиблась, как с городом С.-М. — Но обескураженной Синтия не выглядела, совсем наоборот. — В этой связи вот тебе урок на будущее, мистер всезнайка: иногда ошибка приводит к цели быстрее, чем учёность и логика.

— Что вы хотите этим сказать?

— На всех форумах я разместила один и тот же вопрос: «Не находили ли за последние триста лет в Сен-Морице или его окрестностях, в пещере, большой клад, состоящий из сундуков с золотом и серебром?» Я ведь думала, что речь идёт о швейцарском Сен-Морице.

— И что?

— На следующий же день я получила ответ от юзера с ником «Голденбой»: «Эпин, я тот, кого вы ищете. Нам необходимо пообщаться офф-лайн». «Офф-лайн» значит очно, а не по Интернету, — сочла необходимым пояснить тётушка.

КОМПАНЬОНЫ

От волнения Николас забыл, что на плече у него промстилась солидного размера птица, а та вдруг взяла и хрюпло рявкнула: «Кр-р-рр-р!!!» Это было неожиданно, с перепуга магистр вскочил и опрокинул стул.

— Ну вот, ты уронил птичку, — попрекнула Синтия, когда попугай со стуком шмякнулся об стол.

— К чёрту птичку! Кто этот человек — Голденбой?! Вы с ним встретились?!

Подобное чувство, ни с чем не сравнимое по волшебной остроте ощущений, Нике доводилось испытывать и прежде. Каждое из тех незабываемых мгновений осталось с ним навсегда. Вдруг томительно перехватит дыхание, сладко заноет под ложечкой, и нечто, казалось бы, навсегда сгинувшее в пучине истории, вдруг начнёт прступать сквозь мутную толщу Времени. Словно утонувшая Атлантида или град Китеј вздумали вновь вынырнуть со дна на поверхность.

— Голденбой — это не человек, — медленно протянула старая садистка, наслаждаясь нетерпением племянника.

— То есть?

— Это двое людей. Партнёры компании «Сент-Морис Ризерч Лимитед». Уставная цель — поиск сокровища, спрятанного триста лет назад на острове Сент-Морис.

Именно в этот миг Синтии, конечно же, понадобилось протереть очки. Она сделала паузу и с видом край-

ней сосредоточенности принялась тереть бархоточкой стёкла.

— Где-где? На острове Сент-Морис? Что это за остров? Может быть, вы имеете в виду остров Маврикий, что в Индийском океане?

— Нет. Сент-Морис находится неподалёку от Мартиники, но относится не к французской, а к британской юрисдикции. Это маленький необитаемый островок. Из-за того, что я неправильно расшифровала аббревиатуру «С.-М.», я по случайности попала в десятку. Я-то имела в виду швейцарский Сен-Мориц, а компании «Сент-Морис Ризерч» вообразили, будто я в курсе дела, и немедленно со мной связались. Это называется «найтие». Логикой владеют многие, найтием — единицы.

Старая дама показала пальцем сначала себе на грудь, потом в небо. Бриз почтительно шевелил её голубоватые седины.

— Не найтие, а случайное совпадение. Ладно, не имеет значения. — Ника сел, снова вскочил. — Да не тяните вы! Что вам рассказали эти люди? Они знают, где искать тайник?

— Это я и попыталась выяснить. Сначала я встретилась с джентльменом, который представился «техническим руководителем» предприятия. Он сам примчался ко мне в Кент буквально через два дня после того, как мы вступили в переписку. Первая беседа была очень странной. — Тётя отпила чаю, хитро улыбнулась. — Каждый пытался выведать у собеседника максимум информации, ничего не сообщив взамен. Но у меня больше терпения, к тому же я отлично умею прикидываться старой идиоткой. Раунд закончился вничью. С небольшим преимуществом в мою пользу. По крайней мере, я узнала, что поиски надо вести не в швейцарском Сен-Морице, а в

Карибском море... На следующую встречу они явились вдвоём. Второй у них называется «юридическим руководителем». Оформление находки клада и взаимоотношения между компаниями — это всё материи заковыристые, тут без хорошего специалиста можно наломать дров.

— Тётя, не мучайте меня! ЧТО — ВЫ — У НИХ — ВЫВЕДАЛИ?

Если бы не воспитание, Николас сейчас схватил бы поченную леди за руку, как Германн старую графиню.

— Ты не даёшь мне рассказать всё по порядку, — пожаловалась Синтия. — Ну хорошо. Изволь. Дело кончилось тем, что меня пригласили стать третьим компаньоном. Как только я намекнула, что у меня есть ключ к местонахождению тайника, они оба просто затряслись. И стали чрезвычайно говорчивы. Ты сейчас поймёшь, почему.

— Вы показали им письма?

Синтия обиделась.

— Я похожа на дуру? Разумеется, я ничего им не показывала.

— Почему же они вам поверили?

— Из-за моего ника. Они что-то знают про человека по имени «Эпин». Это наверняка. Но, хоть мы и компании, каждый держит свой фрагмент пазла при себе.

— Не понял?

— Они знают, как попасть к месту, где находится пещера. Причём технический руководитель был осведомлён об одной половине маршрута, а юридический — о второй. Вступив в официальное партнёрство, они обменялись информацией, но от меня держат её в секрете. Я нахожусь в выигрышном положении. Они бродят по своему секретному маршруту уже несколько лет,

и всё без толку. Ключ к тайнику у меня. Поэтому в предприятии мне принадлежит сорок процентов, а им по тридцать. Если б ты знал, как долго мы торговались из-за распределения долей! Но я настоящая-таки на своём. Можешь гордиться своей старой тётей.

Он чмокнул её в морщинистую щёку, специально подставленную для этой цели. Попугай сидел на столе с другой стороны и тянулся к Синтии своим клювом, будто тоже хотел её поцеловать. Никогда ещё Николас не видел столь общительной и любопытной птицы.

— Горжусь, горжусь. Но у вас нет никакого ключа к тайнику! Есть считалка, которая непонятно что значит, а карту и рисунок сожгла фрау Беттина Мёнхле фон Теофельс триста лет назад. Вы им про это сказали?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда они не согласились бы дать мне сорок процентов.

Магистр задумался. Кое-что начинало проясняться, но очень многое ещё требовало разъяснения.

— Тётя, неужели вы плывёте на Мартинику искать сокровище? Но у вас нет ничего кроме детской считалки!

— Мои компаньоны знают, где расположена пещера. А найти тайник мне поможешь ты. В конце концов, это твоя профессия — разгадывать подобные ребусы.

Кажется, Синтия была очень довольна, что так замечательно всё придумала. Она намазала ежевичным джемом бриош и вдумчиво откусила кусочек.

— М-м, отличная выпечка.

Попугай почесал крылом голову. Николас схватился за лоб.

— Ваши компаньоны тоже прилетят на Мартинику?

— Нет. Они плывут на нашем корабле. Ты их видел. Один всё время торчит около меня в казино. Ну, который ставит по одной фишке и всё время проигрывает, тощий такой, в очках. Это мистер Миньон. Он юрист, точнее нотариус. Француз, — снисходительно добавила тётя, словно это слово исчерпывающе всё объясняло. — А другой, который технический руководитель, это наш сосед по столу мистер Делони.

— Но... но почему они ведут себя, будто вы не знакомы?

Вытерев губы, тётя попросила подлить ей чай и с важным видом ответила:

— Это азбука конспирации, мой милый. В таком деликатном деле нужно вести себя очень осторожно. Мы условились, что во время плавания общаться не будем, но постараемся держать друг друга в поле зрения. На всякий случай.

Магистр вдруг понял, что тёте всё это ужасно нравится, старушка наслаждается ситуацией. Таинственностью, дурацкой конспирацией, собственной значимостью и почтением, которым компаньоны окружают мнимую обладательницу «ключа».

— Это придумал мистер Делони, он человек опытный, — продолжила Синтия. — Он сказал, что если мы будем общаться, то вряд ли удержимся от обсуждения волнующей нас темы. А на корабле полно народу, вечно кто-то крутится рядом. Могут подслушать. Кроме того, из-за нынешнего террористического психоза служба безопасности наверняка понатыкала «жучков» в самых неожиданных местах. Знаешь, что такое «жучок»? Мистер Делони говорит, что эти люди имеют право установить прослушивание даже в каюте, если пассажир ведёт себя подозрительно. А чёрт его знает, этого Тидбита,

кто ему покажется подозрительным. Ты же видел этого идиота, который посмел усомниться в твоём титуле!

— Установка прослушивания без санкции суда или хотя бы прокурора невозможна. Вы с мистером Делони насмотрелись шпионских фильмов.

— Деточка, — с жалостью посмотрела на него тётя. — У вас в России это, наверное, невозможно. Но Англия — полицейское государство. Делают, что хотят!

Эту реплику Фандорин оставил без комментариев. Он подумал ещё. Спросил:

— А почему Делони глядит на вас волком? И второй, как его, мистер Миньон, тоже посматривает с явной враждебностью. Неужели вы не заметили?

Она усмехнулась.

— Ещё бы им не злиться. Им ужасно не понравилось, что меня сопровождает мужчина двухметрового роста. Согласно контракту, я не имею права посвящать в тайну «третьих лиц», даже родственников. Не имею права передавать свою долю сокровища по наследству. Если кто-то из партнёров умрёт в процессе поисков, его доля будет поделена между остальными.

— Очень странное условие! — воскликнул Николас.

— Они оба твёрдо на этом стояли. Пришлось уступить. Зато в качестве компромисса согласились повысить мою долю с одной трети до сорока процентов. Ерунда, что со мной случится? У меня давление сто тридцать на девяносто, я ещё их обоих переживу.

Нечего и говорить, что Фандорину, имевшему в подобных делах куда больше опыта, эта деталь совсем не понравилась. Он всё больше хмурился.

— Ну хорошо. Завтра мы прибудем в Форт-де-Франс, оттуда, вероятно, отправимся на остров Сент-Морис, и там выяснится, что никакого ключа у вас нет.

— У нас, — поправила тётя. — Если ты не сумеешь разгадать код, мы действительно попадём в неловкую ситуацию. Но, во-первых, я в тебя верю. А во-вторых, что они мне сделают? Я дама, к тому же меня сопровождаешь ты. И потом, они цивилизованные люди.

Вспомнив хвастливые рассказы мистера Делони, как круто обходился он с разными «сукиными сынами», Николас с сомнением покачал головой.

— Если у вас контракт, в нём наверняка есть параграф о злонамеренном введении деловых партнёров в заблуждение или что-нибудь подобное. Это чревато если не уголовным преследованием, то во всяком случае гражданским иском.

Но тётию это не испугало.

— Значит, ты тем более должен найти разгадку. Иначе компании меня разорят и ты не получишь наследства, которого ждёт-не дождётся твоя жёнушка! — спокойно заявила мисс Борсхед. — И нечего сверкать глазами, как доктор Живаго. Твоя жена была бы круглая дура и никудынная мать, если бы не думала о наследстве.

Он не нашёлся что возразить и лишь жалобно вздохнул:

— Ах, тётя, тётя, зачем вы ввязались в эту авантюру? Она ответила серьёзно и грустно:

— Затем что я старая авантюристка, у которой никогда не было ни одной авантюры. Хорошо тебе, Ники, ты вечно попадаешь в какие-то приключения, занимаясь всякими интересными вещами, живёшь в интересной стране. А что было у меня? Выращивание цветов, коллекционирование фарфоровых молочников и раз в год поездка на скачки. За всю жизнь только четыре любовника, причём самый романтический — патологана-

том. На моих часах без пяти двенадцать, передвигаюсь я в инвалидном кресле, от будущего, сам понимаешь, мне ожидать нечего. Так неужто я могла отказаться от такого безумно интересного предприятия? — Её голос задрожал, но не от слёз, а от азарта. — Чёрта лысого! Я буду искать сокровище и найду его! А не найду, так хоть будет что вспоминать остаток дней.

После этого у Фандорина не хватило духа упрекнуть старую эгоистку, что она втравила племянника в мутную историю, ни о чём не предупредив. Николай Александрович выразился мягче:

— Вы могли бы сообщить условия задачи раньше. По крайней мере, было бы время подумать, провести какие-то изыскания.

Синтия виновато потупилась.

— Ты прав, деточка. Но я всё надеялась, что расшифрую код сама. В письме ведь сказано: «главное — считалка». Я вызубрила этот дурацкий стишок наизусть... Но сегодняшний случай в бассейне напугал меня. Если бы я свернула свою старую шею, то унесла бы ключ в могилу! — мелодраматично воскликнула она.

— Да никакой это не ключ! Рисунка-то нет! На одном «прыг-скок» далеко не ускажешь!

Но переспорить Синтию Борсхед ещё никому не удавалось.

— Раз Эпин написал, что ключ в считалке, значит, так оно и есть. И перестань мне перечить! Я уже всё решила. Раз я не смогла разгадать код, передаю права на сокровище тебе. — Она сделала широкий жест. — Договор будет переоформлен на твоё имя. Немедленно. После сегодняшнего инцидента, о котором наверняка уже говорит весь пароход, компании не станут возражать. Их тоже не порадует, если старуха окочурится, никому

не открыв своей тайны. Так что все эти сундуки с золотом и серебром — мой тебе подарок.

— Вот спасибо-то, — язвительно поблагодарил Ника. — А теперь послушайте, что я вам скажу, дражайшая тётушка...

В дверь позвонили.

— Поздно, — прервала Синтия племянника. — Пока ты неизвестно где шлялся, я протелефонировала мистеру Делони и мистеру Миньону. Велела им быть у меня в восемнадцать ноль-ноль для важного разговора. Это они. Ради Бога, не устраивай сцен. И не выдавай меня. Ты всё испортишь.

НЕ ИГРУШКИ

Знакомиться пришлось заново, хотя мистеру Делони магистр в своё время был представлен, да и с французом при встречах хоть и молча, но раскланивался — как никак ежевечерне виделись в казино.

Но теперь, конечно, он смотрел на них по-другому. Они тоже разглядывали его не украдкой, а в упор, с одинаково напряжёнными, недовольными лицами.

Выражение лица — единственное, чем эти двое были похожи. В остальном они являлись полной противоположностью друг другу.

Житель вольного острова Джерси был толст, круглолиц. С мясистым, улыбчивым ртом плохо сочетались часто помаргивающие глазки — взгляд их был ускользающим и недобр. Мистер Делони говорил басом, часто смеялся, много жестикулировал. Одевался так, будто не торговал автомобилями, а работал в шоу-бизнесе. Сейчас, например, он был в лазоревом блейзере с золотыми пуговицами, розовом шейном платке, белых брюках.

Мсье Миньон, напротив, держался строгих серо-серых тонов: тёмно-серый костюм, светло-серая рубашка, средне-серый в крапинку галстук. Того же оттенка были аккуратно расчёсанные седоватые волосы. Светлые, почти бесцветные глаза строго смотрели из-под скучных стальных очков. Одним словом, классический нотариус. Хоть тётя и сказала про него с типичной бри-

танской ужимкой «француз», ничего особенно французского в этой сушёной треске Николас неглядел. Манера говорить у Миньона была профессионально сдержанная, будто каждая фраза протоколировалась и могла быть использована против него. Английским он владел безукоризненно — основную часть его клиентов составляют британцы, которые любят покупать недвижимость в его родном городе Динаре. У нотариуса была странная привычка переводить то, что говорили собеседники, на юридический язык.

К примеру, прямо с порога Делони накинулся на Синтию:

— Вы с ума сошли, мисс Борсхед? Неужто вы думаете, что мы станем вести какие-то переговоры в присутствии вашего так называемого племянника? Пусть он выйдет!

Миньон немедленно присовокупил:

— Иными словами, согласно параграфу 14.3-д контракта, всякое обсуждение Предприятия в присутствии третьего лица является недопустимым.

— Тогда выйду я, — сказала тётя. — Теперь «третье лицо» это я. Слышали, что я сегодня чуть не отдала Богу душу? Возраст и состояние здоровья заставляют меня передать свои права племяннику — не «так называемому», мистер Делони, а самому настоящему. Знакомьтесь, джентльмены: сэр Николас Фандорин, ваш новый компаньон. Прошу любить и жаловать.

— Вот те на! — Делони почесал двойной подбородок.

— Вновь открывшееся обстоятельство, а именно самоустраниние компаньона по состоянию здоровья с последующей переуступкой прав, относится к разделу «форс-мажор» и требует обсуждения, — сказал то же самое, но на свой лад Миньон.

После чего, собственно, и состоялось формальное знакомство: рукопожатия, представления и прочее.

Сели к столу. Попугай тоже уселся — на торшер и разглядывал оттуда переговаривающиеся стороны круглыми, будто изумлёнными глазами.

— Значит, сведения о тайнике теперь у вас? — спросил Делони.

— Да, у меня, — помолчав сказал Ника и сердито поглядел на Синтию. — Тётя мне всё рассказала.

Партнёры переглянулись.

— То есть вы обладаете всей полнотой информации, — кивнул Миньон, — и, следовательно, отвечаете квалификации параграфа третьего «Полномочия и обязанности Сторон». В таком случае у меня нет возражений против переоформления договора на сэра Николаса Фандорина.

— Мне тоже по фигу, кто приведёт нас к золоту, — хохотнул джерсиец, обшаривая Николаса зорким взглядом. — В мужской компании даже проще.

Синтия немедленно вставила:

— Я буду сопровождать сэра Николаса. Это в ваших же интересах, вдруг возникнут дополнительные расходы? По условиям договора, покрываю их я. Считайте, что вас сопровождает чековая книжка в инвалидном кресле.

Возражений не последовало.

— Прежде чем перейти к следующей стадии взаимоотношений, следует выполнить необходимые формальности. — Миньон строго посмотрел на остальных. — Я немедленно подготовлю приложение о переуступке прав. Все необходимые шаблоны у меня в ноутбуке. Потом мы вместе отправимся к корабельному нотариусу и засвидетельствуем подписи под этим кратким докумен-

том. При этом в содержание самого контракта посвящать нотариуса мы не обязаны.

— Валяйте, старина. Как распечатаете, топайте сюда. Мы вас ждём.

* * *

Едва Миньон вышел, мистер Делони со смехом накрыл запястье Николаса своей увесистой ладонью:

— Потолкуем попросту, без крючкотворства, как и подобает настоящим британцам. Мы ведь не французы, у нас всё на честном слове, на джентльменском соглашении. Верно, Ник? Ничего, если я вас буду так звать? А я Фил. Поговорим начистоту? Если ко мне есть вопросы — палите из всех пушек. Отвечу.

Тон у Делони был самый добродушный, рука горячая и мягкая, рот расползся до ушей, но глазки всё так же насторожённо шарили по лицу собеседника.

Легко иметь дело с людьми, которые твёрдо уверены, что они умнее тебя, подумал Николай Александрович. Предложением «палить из всех пушек» он немедленно воспользовался.

— Скажите, Фил, а с чего всё началось? Ведь компания «Сент-Морис Ризерч» появилась ещё до того, как вы вышли на мисс Борсхед.

— Кашу заварил я, — охотно стал рассказывать Делони. — У меня, как у вас, тоже имеется один документец. И тоже старинный. — Здесь он сделал паузу и хитро прищурился, подождав, согласится ли Фандорин с утверждением, что у него есть «старинный документец». Не дождался никакой реакции и продолжил. — Но я не такой темнила, как некоторые. Поэтому готов кое-

что рассказать про нашу семейную реликвию. Это записки, им триста лет. Мой прямой предок, доблестный моряк Жак Делонэ, оставил подробное описание своих приключений на Сент-Морисе. Жак был среди тех, кто прятал сокровище. Много поколений Делонэ с детства знали эту историю наизусть. Про горный лабиринт, про каменного истукана.

Попугай гортанно вскрикнул.

Джерсиец шлёпнул себя по губам.

— Ты прав, пернатый друг. Я слишком много болтаю. С другой стороны, мы ведь компаньоны и должны доверять друг другу, верно?

Николас и тётя одновременно кивнули. Фил развёл руками — рубаха-парень, и только.

— Вечно меня губит доверчивость, да уж ладно. Слушайте дальше. Мой прапрадед, у которого завелись кое-какие деньжонки, сто пятьдесят лет назад даже сплавал на Сент-Морис, но вернулся несолоно хлебавши. Оказалось, что клад найти не так-то просто. Плавание разорило прапрадеда, и он завещал детям не валять дурака, позабыть о сундуках с золотом. Легко сказать! Мальчишкой я всё играл в пиратов, рыл в саду ямы. Однажды даже нашёл медный фартинг. — Делони засмеялся. — Эх, детство, детство. Я всегда был романтиком, таким и остался. Семнадцать лет назад, после одной удачной сделки, говорю себе: «Фил, старина, (хоть я тогда ещё был совсем не старина), а чего бы тебе не слетать на Мартинику?» И слетал, почему нет? Нанял лодку, сплавал на Сент-Морис. Это всего сотня миль от Форт-де-Франса. Мисс Борсхед знает, что мне была известна только половина маршрута. Когда мы сойдёмся поближе и обменяемся нашими секретами, я прочту вам записки Жака Делонэ, и вы поймёте, почему оно так вышло. — Рас-

сказчик поднял палец. — Но только на основе взаимности, ясно?

— Ясно. Вы рассказывайте, рассказывайте. — Фандорин под столом дёрнул тётю за рукав — судя по гримасе, старушка, кажется, собиралась лишить мистера Делони всяких надежд на взаимность. — И что вы обнаружили на Сент-Морисе?

— Кое-что, хе-хе. — Джерсиец лукаво улыбнулся. — Не буду сейчас вдаваться в подробности, скажу одно: за триста лет в природе мало что меняется. Хоть и не без труда, но я сумел пройти путём своего предка. А дальше — ни тпру, ни ну. Но не в моих привычках отступаться. Там, на Сент-Морисе, я почуял запах золота. У меня на бабки ого-го какой нюх. Там оно, сокровище, никуда не делось! Это вам говорю я, Фил Делони! Вернулся домой, стал шевелить мозгами. А голова у меня варит неплохо. Вдруг, думаю, не у меня одного сохранилась фамильная реликвия. Были же на острове кроме Жака Делонэ и другие моряки. Я их даже по именам знаю, верней, по кличкам. В записках все перечислены.

«И Эпин?» — хотел спросить Ника, но удержался. Неосторожный вопрос мог выдать всю степень его неосведомлённости.

— Ещё семь лет я потратил на поиски. Нашёл судовой реестр с именами всех, кто уплыл на «Ласточке».

— Да-да, из Сен-Мало, — ввернул Фандорин, надеясь, что не промахнется. Значит, корабль, на котором Эпин отправился в путь, назывался «Ласточка»? Но в письме Эпина речь шла о плавании не в Вест-Индию, а в Северную Африку. Непонятно.

Делони кивнул:

— В Сен-Мало половина архивов сгорела во время войны. Но мне повезло. Бумаги компании «Лефевр и

сыновья» уцелели. Не так-то просто рыться в писанине, которой три века. Хрен что разберёшь. Мало того, что она на французском, но в старину, вы не представляете, ешё и писали совсем не так, как сейчас.

Он ошибался. Магистр очень хорошо это представлял. И позавидовал невеже, которому повезло добраться до таких аппетитных документов.

— Ладно, к чёрту подробности. Короче, в девяносто девятом, после всяких ошибок, пустых хлопот, беготни и бесполезной переписки мне наконец повезло. Я вышел на мистера, то есть месье Миньона. Он-то мне и был нужен. Его предок знал вторую половину маршрута. Найти нашего нотариуса оказалось непросто, потому что он наследник по женской линии. Фамилия другая. Ох, и намучился же я с этими французскими генеalogиями! Надышался пыли, обчихался весь в муниципальных архивах.

Оглушительно отсмеявшийся своей немудрящей шутке, Делони продолжил:

— И что вы думаете? У Миньона тоже сохранилась запись о кладе, сделанная его предком в начале восемнадцатого века.

Николас пришёл в возбуждение:

— Невероятно! Очень редко бывает, чтобы письменные свидетельства сохранялись так долго! И так удачно дополняли друг друга! Какая поразительная удача!

— Ничего особенно поразительного. То, что Жак Делонэ и предок Миньона оба составили запись для памяти, вполне естественно. История со спрятанным сокровищем была главным событием в их жизни. Что бумаги передавались из поколения в поколение, тоже нормально. Кто бы стал выкидывать подобную реликвию? Если тут и есть что поразительное, так это дотошность

и целеустремлённость мистера Филиппа Делони. Аплодисменты! — Джерсиец шутовски поклонился. — Кроме того, информация оказалась всё равно неполной. Она складывается не из двух, а из трёх компонентов. Только мы с Миньоном поняли это не сразу... Отыскал я нотариуса, стало быть, в девяносто девятом, а на Сент-Морис мы отправились в две тысячи втором.

— Вы ждали целых три года? — удивился Фандорин. — Ну и терпение! Зачем понадобилось так долго готовиться? До острова можно добраться в два дня: день на перелёт до Мартиники, и потом сто миль морем.

— Подготовка тут ни при чём. Всё дело в акте о сокровищах.

Тётя с племянником переглянулись и одновременно спросили:

— Простите?

— Эх, ребята, взялись искать клад, а не знаете самых элементарных вещей, — укорил их Делони, причём мисс Борсхед поморщилась на фамильярное обращение, а Фандорин воскликнул:

— Вы имеете в виду «Парламентский акт о сокровищах»?! Я читал о нём. Он был принят лет десять назад? Больше?

— В девяносто шестом. Замечательный продукт британского законотворчества, осчастлививший кладоискателей всего Соединённого Королевства. Этот акт даёт ясное определение термина «сокровище» и разъясняет порядок вступления во владение найденными ценностями. Если массив ценных предметов, спрятанных в укромном месте с целью последующего извлечения, пролежал нетронутым триста лет и владельцы неизвестны, а место сокрытия не находится в частном владении, ты обязан в течение четырнадцати дней зарегистрировать

трофей у коронера. Нахodka получает юридический статус «сокровища», а нашедший становится законным владельцем. Он, правда, должен предоставить приоритет в выкупе сокровища королевским музеям по цене, установленной независимой экспертной комиссией. Но цену назначают честную, рыночную, я проверял. Если музейный бюджет такого расхода не потянет, поступай со своим золотом, как тебе угодно.

— Вы ждали три года, чтобы исполнилось триста лет? — спросил Ника, вспомнив, что первое письмо Эпина датировано 1702 годом.

— Ну конечно! Иначе началась бы волынка с поиском возможных наследников, включилось бы правительство Испании, правительство Мексики, и конца бы этому не было.

— Испании и Мексики? — рассеянно переспросил Фандорин, покивав, будто понимает, о чём идёт речь.

— Ну да. С одной стороны, владельцем сокровищ была испанская корона. С другой стороны, добыча взята в Сан-Диего, а это территория современной Мексики. Разбирательство растянулось бы лет на десять. Если бы мы и выиграли процесс, весь навар пришлось бы отдать адвокатам.

— Да-да, разумеется.

Задавать уточняющие вопросы на этом этапе было неразумно, хоть магистр и умирал от любопытства. Испанская корона! Сан-Диего!

Надо отдать должное Синтии. Она не раскрывала рта, всем видом демонстрируя, что теперь компаньоном является племянник, а её дело сидеть и помалкивать. Это было совсем не в характере тёти и долго продолжаться не могло, поэтому на всякий случай магистр держал одну ногу на весу — чтобы вовремя наступить на ступню мисс Борсхед.

— А что же мистер Миньон? — сказала вдруг Синтия. — Его предки, поди, тоже искали сокровище? Может, они знают, где находится пещера?

Мокасин сорок пятого размера прижал сатиновую туфлю тридцать шестого, но мисс Борсхед как ни в чём не бывало продолжила:

— Что там за местность?

У неё же нога парализована, ни черта не чувствует, вспомнил Фандорин, но поздно.

— Разве в вашем документе не указано, где находится пещера? — насторожился Делони.

Николас быстро сказал:

— Мисс Борсхед имеет в виду, как выглядит местность сейчас? Не нарушился ли... ландшафт?

— Ландшафт всё тот же. Вряд ли он изменился за последний миллион лет, — пожал плечами джерсиец. — Чёрт ногу сломит в этом ландшафте. Скоро сами увидите. Вы спросили про предков нашего Минни? Похоже, они были такие же рохли, как он. Никому за триста лет в голову не пришло наведаться на Сент-Морис. Далеко, дорого, рискованно. Французы!

Синтия покивала. Действительно, чего ещё ждать от французов?

— Зато по части крючкотворства Минни — дока. Это он предложил учредить компанию и расписал все условия. Вы бы видели, как мы с ним обменивались нашими семейными реликвиями! — Делони загоготал. — Жара, палит солнце, вокруг джунгли, однако наш нотариус в костюме и при галстуке. Глядит на часы. «Десять ноль-ноль. Вы мне передаёте вышеозначенный документ-один левой рукой, я вам передаю вышеозначенный документ-два правой. Приготовились, можно!» Короче, объединили мы отрезки маршрута, прошли по нему несколько раз.

Потом, через год, снова приехали, уже с аппаратурой. Металлоискатели, магнитодетекторы и всё такое. Но в конце концов поняли, что не знаем главного — как и где искать тайник... Эхе-хе. — Он сокрушённо подпёр толстую щёку. — Миньон скис. Всё ныл, кто ему возместит расходы, упрекал, что я втянул его в авантюру. Я, честно сказать, тоже приуныл. Но всё-таки не отступил. Фил Делони никогда не сдаётся! Последние годы я не занимался активными поисками, но всё-таки послеживал, что происходит в мире кладоискательства. Такое у меня образовалось хобби. И вдруг натыкаюсь на ваш пост! Там про триста лет, про клад, поминается Сен-Мориц (ну, это опечатка, я понял, сейчас-то остров принято называть «Сент-Морис», это он раньше звался «Мориц»), а главное — подпись! В записках моего Жака и у миньоновского предка поминается некий Эпин, в самых нелестных выражениях. Подлый, коварный, вероломный и всё такое. У меня прямо давление подскочило от этого поста! Пульс — сто двадцать! — Делони схватился за сердце, показывая, как он тогда разволновался. — Но прежде чем с вами связаться, пришлось позвонить Миньону. Никуда не денешься — контракт есть контракт. И вот компаний стало трое. Все элементы пазла наконец собраны.

Эпин подлый и вероломный? Из писем, адресованных Беттине Мёнхле, у Николаса сложилось иное мнение об этом загадочном персонаже. Тем интереснее будет прочесть свидетельства современников.

— Когда можно будет взглянуть на ваш документ? — спросил магистр с самой обаятельной из своего арсенала улыбок.

Мистер Делони просиял в ответ всеми тридцатью двумя зубами (судя по цвету и идеальной ровности, металлокерамическими):

— Немедленно, мой дорогой Ник! Буквально через секунду после того, как вы предъявили ваш документик.

— Ну уж нет! — отрезала Синтия. — Я возражаю!

— Мадам, но вы отказались от своих прав в пользу Ника!

— Однако не забывайте, что экспедиция снаряжена на мои деньги и впереди возможны непредвиденные расходы. Но если, конечно, господа компаньоны берут их на себя... — Мисс Борсхед ехидно развела руками. — Тогда другое дело.

— Вы взяли на себя все расходы? — удивился Фандорин. — Это очень щедро с вашей стороны.

— Я их кредитовала компании «Сент-Морис Ризерч», — ответила Синтия с вызовом. — Что ты так на меня смотришь? Считаешь старой дурой, швыряющей направо и налево деньги из твоего наследства? Напрасно! Мистер Делони и мсье Миньон обязались возместить мне все затраты, даже в случае если клад не будет найден.

— При условии, что вы исполните взятые на себя обязательства добросовестно, своевременно и в полной мере, согласно пункту 18.9-f, — раздался голос нотариуса.

В пылу спора собеседники и не заметили, как он вернулся. Должно быть, дверь осталась не до конца закрытой.

— Не хотелось бы, — со вздохом произнёс Делони. — Хорошо вам, Минни. Вы вон взяли самую дешёвую каютку, без окон. А я в расчёте на добычу заказал люкс — на деньги мисс Борсхед.

— Приложение распечатано в пяти экземплярах. По одному действующим партнёрам, один — выбывшему и один для нотариального хранения. — Миньон положил на стол странички. — Прошу внимательно прочитать. Подписывать будем в присутствии корабельного

нотариуса. С ним я уже созвонился, объяснил, что дело срочное. Он ждёт вызова.

Зачем теплоходу нотариус, подивился Николас. И сам себе ответил: тут две тысячи стариков, в этом возрасте любимый спорт — переделка завещания. А пассажирам «Сокола» есть что завещать. Неудивительно, что нотариус привык обслуживать этих привередливых клиентов в любое время суток. Отличная у человека работёнка: плавай себе по райским морям да деньгу зашибай.

— Возражений нет. — Синтия передала ему листок. — На, читай.

Нельзя сказать, чтобы Фандорину сильно понравился пункт о том, что на него как на компаньона возлагается вся полнота ответственности, если предоставленные им сведения окажутся недостаточными для обнаружения тайника. Ниже шла отсылка к соответствующей статье договора, а там (Ника заглянул) поминались издержки, накладные расходы и моральный ущерб.

— Вас тревожит это условие? — догадался Мийон. — Но мы с мистером Делони берём на себя аналогичные обязательства. Наше дело — привести к месту, где спрятан тайник. Ваше — обнаружить вышеозначенный тайник и обеспечить проникновение в него компаньонов и сопровождающих их лиц, буде таковые окажутся в данном месте согласно единодушному согласию партнёров.

Он наклонился к Николаю Александровичу. С другой стороны магистра мягко взял за локоть Делони:

— Можно сделать по-другому, по-товарищески. Не будем страшать друг дружку. Похерим этот чёртов параграф. Сыграем в открытую. Бац — и карты на стол. Мы покажем наши бумажки, вы — вашу. И поглядим, что у нас выходит. Так сказать, поделим ответственность на троих.

Предложение было честное. В иных обстоятельствах Ника бы согласился. Но это означало бы признать, что они с тётей блефуют и что кроме детской считалки у них ничего нет.

Синтия отрезала:

— Нет! Я передаю свои права сэру Николасу только при условии, что все пункты контракта останутся неизменными.

— Хотелось бы выслушать мнение на этот счёт нашего нового партнёра. — Миньон испытующе смотрел на Фандорина. — Сомнение при взятии на себя соответствующих обязательств может трактоваться как неуверенность в реальности их осуществления.

— Нет у меня никаких сомнений, — хмуро молвил Николай Александрович.

Куда было деваться? Во что может вылиться «моральный ущерб», предположить он не брался. Судя по казуистической физиономии француза и хищным повадкам джерсийца, скромного имущества магистра истории на удовлетворение их нравственных страданий никак не хватит. Оставалось лишь надеяться, что мисс Борсхед не бросит племянника в беде.

— Если стороны пришли по данному вопросу к полному согласию, вызываю нотариуса. С вашего позволения, мадам.

Миньон снял трубку с аппарата внутренней корабельной связи, натыкал четырёхзначный номер.

— Это мистер Миньон. В люкс-апартаменте номер один вас ждут, сэр.

Через пару минут явился нотариус, манерами и костюмом напоминающий мажордома из Букингемского дворца. Устрашающий документ был зачитан вслух и подписан с соблюдением всех формальностей.

Выписав счёт за оказанные услуги, нотариус удалился, пожелав леди, джентльменам и даже попугаю приятнейшего вечера.

Попугай на пожелание не откликнулся. Последние минут пять он сидел в кресле напротив телевизора и увлечённо долбил клювом по сиденью.

— Обсудим план дальнейших действий, — предложил Делони. — У меня всё продумано. Только сделайте что-нибудь с вашей птицей. Она уже достала своим долгождем.

— Иными словами, нельзя ли призвать вашего пернатого питомца к порядку, — поддержал его Миньон.

— Это не наш питомец. Он прилетел из библиотеки.

— Плевать, откуда он прилетел. Он меня отвлекает! — Делони раздражённо вскочил. — Я знаю, как их угомонить, у меня в детстве был волнистый попугайчик. Надо просто накрыть его салфеткой, и он притихнет.

— Тогда это лучше сделаю я.

Если нервный попугай оцарапает или клюнет джерсица, грубиян может накинуться на бедную птаху, подумал Ника.

С большой салфеткой в руках он приблизился к креслу — и остановился как вкопанный.

Попугай тащил из-под обивки что-то тонкое, чёрное, длинное. В первое мгновение магистру показалось, что это червяк.

— Что это? — спросила тётя. — Зачем в кресле провод?

Ника уже держал в руках крошечную металлическую коробочку. По роду занятий ему доводилось сталкиваться с подобными устройствами.

— Это миниатюрный «жучок», — сказал Николас, холода. — На литиево-ионном аккумуляторе. С флэш-

памятью. Реагирует на частоту человеческой речи, в остальное время отключается.

Что тут началось!

Мисс Борсхед заохала, не в силах произнести что-нибудь членораздельное. Француз стал кричать о нарушении закона и об исках, которые следует предъявить «физическому либо юридическому лицу, совершившему это противоправное действие». Но яростней всех бушевал экспансивный Фил, обрушившись на «сукиных сынов». Он желал знать только одно — кто именно приложил к этому руку: британская MI-6, американское ЦРУ или «русские Кей-джи-би».

— Вряд ли тут замешана спецслужба, — возразил Ника. — Я немного разбираюсь в технике этого рода. Такой «жучок» может купить кто угодно. Профессионалы обычно пользуются более сложной аппаратурой.

Вдруг тётя перестала охать и прошептала:

— Если аппаратура любительская, это ещё хуже. Значит, кто-то нас подслушивает не в казённых, а в личных интересах...

Все умолкли, нервно озираясь. Компаньонам пришла в голову одна и та же мысль: что если за ними ещё и подглядывают?

— Первое, что я сделаю в порту — куплю прибор для выявления шпионской аппаратуры, — пригрозил Делони, обращаясь к люстре. — И пройдусь с ним по всем трём нашим каютам. Тому, кто устроил эту гнусность, не поздоровится! Это будет скандал на всю Англию!

— И Францию, — пообещал мсье Миньон, воинственно погрозив всё той же люстре. — Несанкционированное вторжение в частную жизнь является нарушением целого ряда законов. А именно, согласно законодательству Французской Республики...

Он стал перечислять какие-то статьи и параграфы, а мисс Борсхед шепнула Николасу:

— Выкати меня на террасу. Я должна тебе что-то сказать.

Когда они оказались снаружи, где дул ветер и шумели волны, тётя взяла его за руку. В её глазах стояли слёзы.

— Прости меня, Ники. Я старая азартная дура! Думала: какое увлекательное приключение, а это, оказывается, совсем не игрушки. Я втравила тебя в скверную историю. Кто мог засунуть в кресло эту мерзость?

На этот счёт у Фандорина было несколько версий, но в данный момент его больше занимало другое.

— Кто бы это ни был, ясно вот что. Во-первых, этот человек или люди — знают о сокровище и живо интересуются его поисками. А во-вторых, тому, кто прослушивал наши разговоры, известно, что мы с вами самозванцы и никакого ключа к тайнику у нас нет. Игра окончена. Нужно признаваться.

Синтия подумала немного, затрясла головой.

— Ничего подобного. Первое письмо, вспомни, ты читал глазами. А из второго прочёл вслух лишь самое начало. Потом батлер привёз чай и мы переместились на террасу. Тот, кто нас подслушивал, не может знать, что мы блефуем. Когда мы вернулись в каюту, говорил в основном Делони, а мы с тобой больше слушали и демонстрировали, будто нам всё известно...

Она права, подумал Ника. Так и есть.

— Во что я тебя впутала! — пролепетала тётя. — Мне это не нравится, совсем не нравится! Я ладно, у меня никого нет, но у тебя семья... Хочешь, я вернусь в каюту и во всём сознаюсь? К чёрту сокровище! Тем более ты прав: мы всё равно не знаем, как его искать. Вези меня к ним! Мы сходим с дистанции.

Магистр истории смотрел на линию горизонта, над которой розовыми перьями пушились облака, и не спешил соглашаться.

— ...Нет, — сказал он наконец. — Если я сойду с дистанции, это будет терзать меня всю оставшуюся жизнь.

— Меня тоже! — прошептала старая леди. — Будь что будет, Ники. Британцы не отступают.

Она протянула ему свою костлявую, морщинистую руку, и Фандорин пожал её.

— А русские не сдаются, — с тяжёлым вздохом молвил он.

ЛЁГКИЙ ФРЕГАТ «ЛАСТОЧКА»

Весна 1702 г.